Шпион среди друзей. Великое предательство Кима Филби

Автор:
Бен Макинтайр

Шпион среди друзей. Великое предательство Кима Филби

Бен Макинтайр

Разведкорпус

Ким Филби – один из самых знаменитых шпионов XX века, и написано о нем немало. Однако расследование британского писателя-историка Бена Макинтайра, основанное в числе прочего на неопубликованных архивных материалах, знакомит нас с этой уникальной личностью как никогда близко. Урон, нанесенный тайной деятельностью Филби двум государствам, Великобритании и США, мог бы быть куда меньше, если бы не крепкая мужская дружба, замешанная на традиционных английских идеалах личной преданности и чести джентльмена. Николас Эллиотт из МИ-6 и глава ЦРУ Джеймс Энглтон слепо верили своему другу Киму и стояли за него стеной до тех пор, пока не стало поздно. Макинтайр показывает, как государственная измена, десятилетиями проходившая сквозь фильтр частного человеческого предательства, превращала жизнь Кима Филби в небывалой силы психологический триллер.

Бен Макинтайр

Шпион среди друзей

Великое предательство Кима Филби

Серия «Разведкорпус»

© Ben Macintyre 2014

© David Cornwell, послесловие, 2014

© С. Таск, перевод на русский язык гл. 13–20, 2017

© А. Шульгат, перевод на русский язык гл. 1–12, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО «Издательство Аст», 2017

Издательство CORPUS ®

* * *

Памяти Рика Бистона

Друзья (The Friends) – так на общем английском сленге называют сотрудников разведывательных служб, а на британском сленге – сотрудников Секретной разведывательной службы, или МИ-6.

Если бы пришлось выбирать, кого предать – родину или друзей, надеюсь, мне хватило бы решимости предать родину. Возможно, такой выбор возмутит современного читателя, и его патриотическая рука мгновенно потянется к телефонной трубке, чтобы вызвать полицию. А вот Данте это бы вряд ли шокировало. Он поместил Брута и Кассия в самый низший из кругов Ада, ведь они предпочли предать своего друга Юлия Цезаря, только бы не изменить родному Риму.

Э. М. Форстер, 1938

Предисловие

Существует обширная литература о Киме Филби. Трудно переоценить работы о нем таких первопроходцев, как Патрик Сил, Филип Найтли, Том Бауэр, Энтони Кейв Браун и Генрих Боровик. И все же представления многих читателей о Филби остаются туманными, как, впрочем, и представления о «холодной войне»: о событиях тех лет упоминают часто, но мало кто понимает их по-настоящему. Кроме того, благодаря многим из рассекреченных в последнее время материалов, а также книгам об истории МИ-5 и МИ-6, одобренным самими ведомствами, мы можем в новом свете увидеть и тот конфликт, и место в нем Филби.

Эта книга вовсе не очередная биография Кима Филби, а скорее облаченная в форму повествования попытка описать особого рода дружбу, сыгравшую важную роль в истории. Мой рассказ не столько о политике, идеологии и ответственности, сколько о личности, характере и об очень британской разновидности дружбы, до сей поры не становившейся предметом изучения. Поскольку доступ к делам в МИ-6, ЦРУ и КГБ по-прежнему закрыт, большая часть источников вторичны: свидетельства третьих лиц, нередко изложенные ретроспективно. Шпионы умеют необыкновенно искусно допускать неточности в воспоминаниях, и все протагонисты этого повествования в той или иной степени повинны в искажении собственных историй. Многие «факты» в деле Филби все еще остаются темой бурных обсуждений, и недостатка в гипотезах, конспирологических и любых других, не наблюдается. Обсуждение некоторых наиболее спорных вопросов вынесено в примечания. Многое из того, что написано о Филби, основано на воспоминаниях или предположениях и не подкреплено документально; кое-что окрашено пропагандой, а кое-что – чистый вымысел. До тех пор, пока официальные документы не рассекречены полностью, вокруг этих событий по-прежнему сохраняется некоторый флер таинственности. Это создает определенные трудности для историка-повествователя. Поскольку в моем распоряжении оказались противоречащие друг другу свидетельства, различные точки зрения и разнящиеся между собой воспоминания, мне пришлось определиться с тем, какие из источников наиболее достоверны, и

вычленить из многочисленных свидетельств те, что представляются наиболее близкими к действительности. Безусловно, далеко не все согласятся с моим выбором. Что ж, мы имеем дело не с точными науками, но я стремился к тому, чтобы рассказанная мною история была максимально близка к действительности.

В мои задачи не входило сказать последнее слово о Киме Филби. Я старался рассказать его историю иначе, чем мои предшественники, рассмотрев ее сквозь призму тесной дружбы, и, возможно, прийти к новому пониманию этого самого примечательного шпиона современности.

Вступление

Бейрут, январь 1963 года

Два шпиона среднего возраста сидят в квартире в христианском квартале, прихлебывая чай и благовоспитанно обмениваясь ложными сведениями. Приближается вечер. Они англичане – англичане настолько, что им ни на секунду не изменяет вежливость, одновременно объединяющая и отдаляющая их друг от друга. Сквозь открытое окно в комнату проникают звуки улицы: сирены автомобилей, стук лошадиных копыт вперемешку с позвякиванием фарфора и бормотанием. Микрофон, ловко спрятанный под диваном, записывает разговор и по проводу, пропущенному сквозь маленькую дырочку в обшивке стен, посылает его в другую комнату, где сидит третий человек: согнувшись над работающим магнитофоном, он пытается разобрать слова, доносящиеся через бакелитовые наушники.

Те двое, что сидят в квартире, – старые друзья. Они знают друг друга уже почти тридцать лет. Но теперь они стали злейшими врагами, неприятелями, оказавшимися по разные стороны жестокого конфликта.

Ким Филби и Николас Эллиотт бок о бок постигали основы шпионского ремесла во время Второй мировой войны. Когда война закончилась, они вместе поднимались по служебной лестнице британской разведки, делясь друг с другом

каждым секретом. Они состояли в одних и тех же клубах, пили в одних и тех же барах, носили одинаковые хорошо пригнанные костюмы и женились на женщинах «своего племени». Но все это время Ким хранил один секрет, которым так и не поделился с Николасом: тайно работая на Москву, он передавал все, что сообщал ему Эллиотт, советским кураторам.

Эллиотт прибыл в Бейрут, чтобы добиться от Филби признания. Эллиотт установил прослушку в квартире и организовал наблюдение за входом в дом и на улице. Он хочет узнать, сколько людей погибло из-за того, что Ким предал свою дружбу с ними. Он хочет выяснить, когда оказался в дураках. Ему необходимо знать правду или, по меньшей мере, часть правды. И когда Эллиотт узнает правду, Филби сможет бежать в Москву, или вернуться в Великобританию, или начать все заново – в качестве тройного агента, или допиться до смерти в одном из баров Бейрута. Для Филби, как убеждает себя Эллиотт, нет никакой разницы между этими сценариями.

Филби знает правила игры, поскольку блестяще играл по ним в течение трех десятилетий. Но ему неизвестно, сколько знает Эллиотт. Возможно, дружба станет для него палочкой-выручалочкой, как уже случалось раньше. Ким и Николас говорят друг другу кое-какую правду вперемешку с ложью, причем лгут самозабвенно, убежденные в своей правоте. Слой за слоем, взад и вперед.

Наступление ночи не помеха странному смертельному поединку между двумя мужчинами, объединенными классом, клубом и образованием, но разделенными идеологией; мужчинами с почти одинаковыми вкусами и воспитанием, но служащими разным целям; ближайшими из врагов. Тому, кто подслушивает, их разговор покажется невероятно утонченным, чем-то вроде старинного английского ритуала, исполняемого на чужбине, а на самом деле это безжалостный бой, боксерский матч без перчаток, смертельная агония кровной дружбы.

Глава 1

Начинающий шпион

Вот только что Николас Эллиотт находился на ипподроме в Аскоте, наблюдая, как фаворит Сокрушитель под седьмым номером легкостью идет к финишу первым, а сразу за ним следует лошадь под вторым номером, но уже в следующее мгновение он, к собственному удивлению, стал шпионом. Произошло это пятнадцатого июня 1939 года, спустя три месяца после начала самого чудовищного конфликта в истории человечества. Эллиотту было двадцать два.

Случилось это за бокалом шампанского. Отец Джона Николаса Рида Эллиотта, сэр Клод Аурелиус Эллиотт, офицер Ордена Британской империи, был директором Итонского колледжа, самой престижной из частных школ Англии, видным альпинистом и одним из главных столпов британской элиты. Сэр Клод знал всех, кого стоило знать, и не удостаивал внимания тех, кто этого не заслуживал, и среди тех важных людей, с кем он водил знакомство, был сэр Роберт Ванситтарт, главный дипломатический советник британского правительства, имевший тесные связи с Секретной разведывательной службой (СРС), более известной как МИ-6, ответственной за сбор сведений за рубежом. Николас Эллиотт договорился о встрече с Ваном в Аскоте и за бокалом шампанского упомянул, что его могла бы заинтересовать возможность поступить на службу в разведку. Сэр Роберт Ванситтарт с улыбкой ответил: «Для меня большое облегчение, что вы обратились ко мне с такой несложной просьбой».

«Сказано – сделано», – много лет спустя писал Эллиотт.

Вербовочная сеть «старых друзей» работала безупречно.

Нельзя сказать, что Николас Эллиотт был создан для шпионского поприща. Он не мог похвастаться особыми академическими достижениями. Он не слишком-то разбирался в сложностях международной политики, не говоря уже об искусной и опасной игре, которую разыгрывала МИ-6, готовясь к войне. По большому счету, он вообще ничего не знал о шпионаже, но считал, что дело это важное, исключительное и увлекательное. Эллиотт был так уверен в себе, как может быть уверен в себе только хорошо воспитанный, состоятельный итонец, недавно окончивший Кембриджский университет и заручившийся всеми необходимыми связями в обществе. Он был рожден, чтобы управлять (хотя никогда бы не высказал такое убеждение столь неизящным способом), и членство в одном из наиболее элитарных клубов Великобритании представлялось молодому человеку подходящей стартовой площадкой.

Эллиотты были опорой империи; на протяжении многих поколений эта семья поставляла военных чинов, представителей высшего духовенства, адвокатов и руководителей колоний, которые неустанно пеклись о том, чтобы Британия продолжала править не только морями, но и порядочными кусками земного шара, расположенными между ними. Один из дедушек Эллиотта был вице-губернатором Бенгалии; другой занимал должность старшего судьи. Подобно многим могущественным английским семьям Эллиотты славились своей эксцентричностью. Эдгар, двоюродный дед Николаса, как известно, побился об заклад с другим офицером, служившим в Индии, что в течение трех месяцев будет ежедневно выкуривать такое количество манильских сигар, чтобы их совокупная длина равнялась его росту. Ему хватило двух месяцев, чтобы докуриться до смерти. Двоюродную бабушку Бланш в возрасте двадцати шести лет, по слухам, «постигла любовная неудача», в результате чего она слегла и пятьдесят лет не покидала постели. Тетушка Нэнси была твердо убеждена: католикам не следует заводить домашних животных, поскольку они не верят, что у тех есть души. Семья также демонстрировала страстное, но зачастую гибельное влечение к альпинизму. Дядя Николаса, преподобный Джулиус Эллиотт, упал с Маттерхорна в 1869-м, вскоре после знакомства с Гюставом Флобером, назвавшим его «образцом английского джентльмена». Эксцентричность – одна из тех английских черт, что выглядят слабостями, но на самом деле таят под собой силу; это признак яркой индивидуальности, замаскированный под странность.

Однако самой важной фигурой для Николаса, буквально нависавшей над ним в детстве, стал его отец Клод, человек непоколебимых викторианских принципов и свирепых предрассудков. Клод ненавидел музыку – она вызывала у него несварение желудка, презирал любые способы обогрева помещения как признак «декадентства» и был твердо убежден: «когда имеешь дело с иностранцами, лучшая стратегия – кричать на них по-английски». Прежде чем возглавить Итон, Клод преподавал историю в Кембриджском университете, хотя испытывал врожденное недоверие к ученым и питал врожденное отвращение к интеллектуальной беседе. Однако долгие университетские каникулы давали ему массу времени для занятий альпинизмом. У Клода были шансы стать самым прославленным альпинистом своего поколения, если бы не перелом надколенника, случившийся с ним в Озерном краю и помешавший примкнуть к экспедиции Мэллори на Эверест. Клод настолько доминировал над ровесниками физически и психологически, что однокашники по Итону прозвали его Императором. Николас взирал на отца с благоговейным ужасом; в ответ Клод то игнорировал свое единственное дитя, то подтрунивал над ним, убежденный, подобно многим отцам того времени и той социальной группы, что, если он

покажет сыну свою привязанность, мальчик будет «слабым» и, вполне возможно, станет гомосексуалом. Николас вырос с твердым убеждением: «Клода невероятно смущал сам факт моего существования». В свою очередь, мать мальчика избегала разговоров на интимные темы, к которым, по словам ее сына, принадлежали «бог, болезни и все, что ниже пояса».

Таким образом, воспитание Эллиотта заключалось в том, что сначала он прошел через вереницу нянек, а потом его вытолкнули из дома и запихнули в Дернфордскую школу в Дорсете, прославившуюся исключительной – даже по меркам британской средней школы – жестокостью: каждое утро мальчиков заставляли голышом нырять в бассейн без подогрева, чтобы доставить удовольствие директору, жена которого любила вслух читать поучительную литературу по вечерам, вытянув ноги и положив их на двух мальчиков, пока третий щекотал ей пятки. В школе не было ни свежих фруктов, ни туалетов с дверями, здесь никто не мешал одним ученикам издеваться над другими, и бежать отсюда тоже не было возможности. В наши дни такое учебное заведение признали бы нелегальным; в 1925 году считалось, что оно «формирует характер». В этой школе Эллиотт приобрел твердое убеждение, что «ничего более неприятного с ним уже не произойдет», глубокое презрение к власти и дерзкое остроумие.

После «кромешного ада» Дернфордской школы Итон показался Николасу раем, и даже тот факт, что его отец был директором колледжа, не представлял особой проблемы, ведь Клод по-прежнему делал вид, что его рядом нет. Очень умный, неунывающий, хотя и ленивый, Эллиотт выполнял только необходимый минимум заданий. «Необычайная четкость его почерка полезна только в одном: она позволяет лучше разглядеть, как хромает его орфография», – писали в одном из отчетов об успеваемости. Николаса приняли в его первый клуб, «Поп» – в это сообщество принимали только самых популярных учеников Итона. Именно в колледже Эллиотт открыл в себе талант заводить друзей. Впоследствии он будет вспоминать об этом как о самом ценном навыке, ставшем основой его карьеры.

Первым и ближайшим другом Элиотта стал Бэзил Фишер. Блестящий молодой человек, Фишер был капитаном лучшей в Итоне команды по крикету, председателем «Попа» и сыном самого настоящего героя войны: в 1917 году Бэзила-старшего подстрелил турецкий снайпер в Газе. Эллиотт и Бэзил делили каждую трапезу, вместе проводили каникулы и время от времени заглядывали в дом директора – когда Клод был на ужине, – чтобы поиграть в бильярд. На

фотографиях того времени можно увидеть, как они, радостно улыбаясь, держатся за руки. Может, в их отношениях и присутствовала сексуальная составляющая, а может, и нет. До сих пор Эллиотт любил только свою няню, Голубушку (ее настоящее имя неизвестно). Он боготворил Бэзила Фишера.

Осенью 1935 года друзья поступили в Кембридж. Эллиотт, само собой, был зачислен в Тринити-колледж, как в свое время его отец. В первый же день учебы в университете Николас посетил писателя и преподавателя истории Роберта Гиттингса, приятеля отца, чтобы задать вопрос, который давно его занимал: «Насколько прилежно мне нужно заниматься и над чем работать?» Гиттингс был человеком проницательным. Эллиотт впоследствии вспоминал: «Он настоятельно советовал мне потратить три моих кембриджских года на то, чтобы насладиться жизнью во время затишья перед следующей войной». И Николас последовал этому совету самым буквальным образом. Он играл в крикет, катался на лодке, разъезжал по Кембриджу на «хиллман минксе», а также посещал и сам устраивал отличные вечеринки. Он прочитал кучу шпионских романов, а по выходным ездил на охоту или на скачки в Ньюмаркет. Все тридцатые годы в Кембридже бушевал идеологический конфликт: Гитлер пришел к власти в 1933 году; гражданская война в Испании вспыхнула летом 1936-го; крайне левые вели противоборство с крайне правыми в университетских аудиториях и на улицах. Но все это политическое бурление попросту прошло мимо Эллиотта. Ему было не до того – он наслаждался жизнью. Он редко открывал учебник, а по завершении трех университетских лет обзавелся кучей друзей и получил диплом третьей степени, считая этот результат «триумфом над экзаменаторами».

По окончании Кембриджа Николас Эллиотт обладал всеми мыслимыми преимуществами своего класса и образования, но понятия не имел, чем хочет заниматься. Однако за благодушным светским фасадом и «вялой, свойственной высшему обществу манерой» скрывалась сложная личность, питавшая страсть к приключениям с оттенком подрывной деятельности. Викторианская скованность Клода Эллиотта вселила в его сына глубокое отвращение к правилам. «Из меня бы никогда не вышло хорошего солдата, поскольку я мало способен к дисциплине», – отмечал Николас. Когда ему что-то приказывали, он был склонен «подчиняться не приказу, полученному от старшего, а, скорее, приказу, который старший мог бы ему отдать, если бы разбирался в ситуации». Николас был жестким – жестокость Дернфорда, безусловно, наложила на него отпечаток, – но в то же время чувствительным: сказывались травмы, нанесенные одиноким детством. Подобно многим англичанам, он скрывал свою робость за огневым валом шуток. Еще одной частью отцовского наследства была уверенность в

своей физической непривлекательности; когда-то Клод убедил сына, что тот «страшила», и мальчик так и рос с этой мыслью. Конечно, Эллиотт не отличался красотой в классическом понимании – нескладная фигура, худое лицо и очки в толстой оправе, – но его самообладание, плутоватый вид и неизменная бодрость духа постоянно привлекали женщин. Впрочем, Николасу потребовалось много лет, чтобы понять: он «выглядит не более и не менее странно, чем значительная часть подобных [ему] существ». Наряду с природным консерватизмом он унаследовал семейную склонность к эксцентричности. Он не отличался снобизмом. Мог завести разговор с любым человеком независимо от того, чем тот занимался. Не верил ни в бога, ни в Маркса, ни в капитализм, а верил в короля, страну, класс и клуб (в его случае это был «Уайтс», клуб для джентльменов в Сент-Джеймсе). Но превыше всего для него была вера в друзей.

Летом 1938 года Бэзил Фишер поступил на работу в Сити, а Эллиотт по-прежнему лениво раздумывал, чем заняться. «Старые друзья» быстро помогли решить этот вопрос. Одним летним днем Эллиотт играл в крикет в Итоне, и тут, во время перерыва на чай, к нему подошел сэр Невил Блэнд, высокопоставленный дипломат и друг семьи, и тактично заметил, что отец Эллиотта не на шутку встревожен «неспособностью [сына] найти для себя серьезное занятие». (Сэр Клод предпочитал общаться с наследником при помощи эмиссаров.) Сэр Невил объяснил, что его недавно назначили британским посланником в Гааге. Не желает ли Николас сопровождать его в Нидерланды в качестве почетного атташе? Эллиотт сказал, что очень даже желает, хотя понятия не имел, каковы, в сущности, обязанности почетного атташе. «Никакой серьезной процедуры одобрения не было, – впоследствии писал Эллиотт. – Невил попросту сообщил Форин-офису, что я подхожу, поскольку он меня знает и учился в Итоне с моим отцом».

Перед поездкой в Гаагу Эллиотт прошел в Форин-офисе курс шифрования. Его инструктором оказался некто капитан Джон Кинг, опытный шифровальщик, по совместительству оказавшийся советским шпионом. Кинг переправлял телеграммы Форин-офиса в Москву с 1934 года. Таким образом, первый же наставник Эллиотта по вопросам конспирации был двойным агентом.

Эллиотт прибыл в Гаагу на своем «хиллман минксе» в середине ноября 1938 года и явился в дипломатическую миссию. После ужина сэр Невил предупредил его: «На дипломатической службе считается серьезной провинностью переспать с женой коллеги, за это увольняют», и дал совет: «Предлагаю вам следовать моему примеру и не закуривать сигару до третьего бокала портвейна».

Обязанности Эллиотта едва ли можно счесть обременительными: время от времени носить за посланником портфель, немного заниматься шифровкой и расшифровкой в комнате связи и посещать официальные ужины.

После четырех месяцев в Нидерландах Эллиотту впервые удалось попробовать себя в подпольной деятельности и «получить возможность своими глазами увидеть немецкую военную машину». Как-то вечером за ужином он разговорился с молодым морским офицером по имени Глин Хирсон, помощником военно-морского атташе при посольстве в Берлине. Капитан Хирсон сообщил ему о своем особом задании – вести слежку за гамбургским портом, где, как предполагалось, немцы разрабатывают сверхмалые подлодки. После того как они выпили еще по нескольку бокалов, Хирсон спросил Эллиотта, не хочет ли тот к нему присоединиться. Николас счел это отличной идеей. Сэр Невил дал добро.

Два дня спустя, в три часа утра, Эллиотт и Хирсон проникли в гамбургский порт, перебравшись через ограду. «Мы осторожно осматривались повсюду примерно в течение часа», фотографировали, а потом вернулись «в безопасное место, к крепким напиткам». У Эллиотта не было ни дипломатической защиты, ни специальной подготовки, а Хирсон не обладал полномочиями, необходимыми, чтобы завербовать его для этой миссии. Если бы молодых людей поймали, их могли бы застрелить как шпионов; или, по меньшей мере, если бы стало известно, что сына директора Итона застукали, когда он занимался слежкой на немецкой верфи посреди ночи, это вызвало бы настоящую бурю в дипломатических кругах. Словом, как радостно признавался Эллиотт, это была «исключительно безрассудная вылазка». Тем не менее она оказалась весьма приятной и на редкость успешной. Хирсон и Эллиотт поехали дальше – в Берлин – в отличном расположении духа.

Двадцатого апреля 1939 года нацистская Германия отмечала государственный праздник, пятидесятилетие Гитлера, и по этому случаю проводился самый грандиозный в истории Третьего рейха военный парад. Торжества, организованные министром пропаганды Йозефом Геббельсом, ознаменовали апогей гитлеровского культа и стали роскошным проявлением синхронизированного подхалимажа. За факельным шествием и кавалькадой из пятидесяти белых лимузинов с фюрером во главе следовала фантастическая пятичасовая демонстрация военной мощи, в которой участвовали пятьдесят тысяч немецких солдат, сотни танков и сто шестьдесят два боевых самолета. Послы Великобритании, Франции и США не присутствовали, поскольку их

отозвали после того, как Гитлер вошел в Чехословакию, и все же целых двадцать три государства направили своих представителей, чтобы поздравить Гитлера с днем рождения. «Фюрера чествуют так, как еще не чествовали никого из смертных», – изливался Геббельс в своем дневнике.

Эллиотт наблюдал за происходящим с благоговейным ужасом из окон дома на Шарлоттенбургер-шоссе, из квартиры на шестом этаже, принадлежавшей генералу Ноэлю Мейсону-Макфарлейну, британскому военному атташе в Берлине. Мейсон-Мак был старым щетинистым боевым конем, орденоносным ветераном траншей и Месопотамии. Он не мог скрыть своего отвращения. С балкона квартиры открывался отличный вид на Гитлера в парадной ложе. Генерал вполголоса заметил Николасу, что Гитлер находится от них на расстоянии ружейного выстрела. «Меня так и подмывает воспользоваться этим преимуществом», – пробормотал он и добавил, что мог бы «подстрелить мерзавца отсюда, не моргнув глазом». Эллиотт «настоятельно советовал ему стрелять только в упор». Мейсон-Макфарлейн передумал, хотя впоследствии послал формальный запрос, чтобы ему позволили убить Гитлера с этого балкона. К несчастью для всего мира, предложение Мейсон-Мака было отвергнуто.

Эллиотт возвратился в Гаагу с двумя свежеиспеченными убеждениями: что Гитлера нужно остановить любой ценой и что лучше всего он сможет этому содействовать, если станет шпионом. «Меня не надо было долго уговаривать». День на скачках в Аскоте, бокал шампанского с сэром Робертом Ванситтартом и встреча с важной персоной в Уайтхолле довершили начатое. Итак, Николас вернулся в Гаагу все еще в положении почетного атташе, но на самом деле с благословения сэра Невила Блэнда он уже был завербован МИ-6. Для внешнего мира его дипломатическая жизнь шла как и прежде; тайно же он начал свое послушничество, служа странной религии британской разведки.

Сэр Роберт Ванситтарт, высокий чин Форин-офиса, проторивший Эллиотту дорогу в МИ-6, заведовал, по сути дела, частной разведывательной службой, находившейся вне ведения государства, но тесно связанной как с МИ-6, так и с МИ-5, – службой безопасности Форин-офиса. Ярый противник политики умиротворения, Ванситтарт был уверен, что Германия начнет очередную войну, «как только почувствует себя достаточно сильной». Его агентурная сеть собрала обильную информацию о намерениях нацистов, с помощью которой Ванситтарт пытался (но не сумел) убедить премьер-министра Невилла Чемберлена в том, что столкновение неминуемо. Одним из его первых и самых колоритных сексотов был Йона фон Устинов, немецкий журналист, втайне страстно

ненавидевший нацистов. Устинова все знали под кличкой Клоп и происхождение этого прозвища, вероятно, объяснялось его шарообразной фигурой, которой он, как ни странно, невероятно гордился. Отец Устинова был офицером российского происхождения; мать – наполовину еврейка, наполовину эфиопка; сын, родившийся в 1921 году, – не кто иной, как Питер Устинов, выдающийся комедийный актер и писатель. Клоп Устинов служил в германской армии во время Первой мировой войны, заработал там «Железный крест», а потом занял пост в немецком информационном агентстве в Лондоне. Он потерял работу в 1935 году, когда немецкие власти, с подозрением относившиеся к его экзотически-смешанному происхождению, потребовали от него подтвердить принадлежность к арийской расе. В тот же самый год его завербовала британская разведка под кодовым именем У35. Устинов был толстяком и носил монокль, а манера его обманчиво казалась неуклюжей. Он был «лучшим и самым талантливым осведомителем из всех, с кем я имел честь работать», – признавался впоследствии его куратор Дик Уайт, со временем возглавивший и МИ-5, и МИ-6.

Первым заданием Эллиотта для МИ-6 было помочь Устинову курировать одного из самых важных и наименее известных шпионов довоенного времени – Вольфганга Ганса Эдлера цу Путлитца, пресс-атташе немецкого посольства в Лондоне, любящего роскошь аристократа и открытого гомосексуала. Устинов завербовал Путлитца и начал вытягивать из него «бесценные сведения, возможно, самые важные сведения, полученные Великобританией от агентов в предвоенный период», касавшиеся международной политики и военных планов Германии. Путлитц и Устинов разделяли убеждение Ванситтарта, что стратегии умиротворения нужно дать задний ход. «Я действительно помогал дискредитировать идеи нацизма», – считал Путлитц. Когда в 1938 году Путлитца назначили в немецкое посольство в Гааге, Клоп Устинов тайно последовал за ним в качестве европейского корреспондента одной индийской газеты. При посредничестве Устинова Путлитц продолжал поставлять тонны информации, хотя явное нежелание британских властей противостоять Гитлеру приводило его в отчаяние. «Англичане безнадежны, – жаловался он. – Бесполезно оказывать им помощь в противостоянии нацистским методам, они их явно не понимают». Он уже чувствовал, что «напрасно приносит себя в жертву».

В Гааге Клоп Устинов и Николас Эллиотт сразу же прониклись взаимной симпатией и оставались друзьями до конца жизни. «Клоп был человеком разносторонних талантов, – писал Эллиотт, – бонвиван, остроумец, рассказчик, пародист, лингвист, наделенный широким диапазоном познаний, как серьезных, так и непристойных». Устинов дал Эллиотту задание: поднимать настроение

Вольфгангу Путлитцу, становившемуся все более мрачным и встревоженным.

Как писал Эллиотт, Путлитц был «сложным человеком», разрывавшимся между патриотизмом и нравственным чувством: «Мотивация его была чисто идеалистической, и он переживал острые психологические муки от сознания того, что предоставляемая им информация может унести жизни многих немцев». Однажды августовским вечером Эллиотт пригласил Путлитца на ужин в отель «Рояль». За десертом он обмолвился, что подумывает съездить в Германию отдохнуть. «Неужели Гитлер начнет войну прежде, чем мы успеем вернуться, – в конце первой недели сентября?» – спросил он чуть насмешливо. Путлитц ответил без тени улыбки: «Согласно текущему плану, наступление на Польшу начнется двадцать шестого августа, но его могут отложить на неделю, так что на вашем месте я бы отменил поездку». Эллиотт быстро довел это «ошеломляющее утверждение» до сведения Клопа, а тот, в свою очередь, передал его в Лондон. Эллиотт отменил поездку. Первого сентября – в точности как предсказывал Путлитц – немецкие танки вошли в Польшу с севера, юга и запада. Два дня спустя Великобритания уже находилась в состоянии войны с Германией.

Вскоре после этого немецкий посол в Гааге показал Вольфгангу Путлитцу список немецких агентов в Нидерландах; этот список оказался точно таким же, как тот, который Путлитц недавно передал Клопу Устинову и Николасу Эллиотту. Судя по всему, в резидентуре МИ-6 был немецкий шпион, но на тот момент никто не подозревал Фолкерта ван Кутрика, общительного голландца, работающего помощником шефа резидентуры – майора Ричарда Стивенса. По словам коллег, ван Кутрик «всегда демонстрировал неподдельную преданность». Он был тайным агентом абвера, военной разведки Германии, и «к осени 1939 года немцы получили четкое представление обо всей операции СРС в Голландии». Ван Кутрик смог заполучить список немецких шпионов, переданный Путлитцем в МИ-6, и вернул его немецкой разведке.

Путлитц знал: «его раскроют и расправятся с ним, это всего лишь вопрос времени». Он немедленно попросил политического убежища в Великобритании, при этом настаивая, чтобы его непременно сопровождал камердинер – и любовник – Вилли Шнайдер. 15 сентября Путлитца спешно доставили в Лондон и поселили в безопасном месте.

Потерять столь ценного агента было, конечно, из рук вон плохо, но худшее ждало впереди.

Девятого ноября руководитель резидентуры майор Стивенс, новый босс Эллиотта, отправился в Венло, город на границе Нидерландов и Германии, рассчитывая, что вскоре ему удастся приблизить быстрое и победоносное окончание войны. Его сопровождал коллега, Сигизмунд Пейн Бест, ветеран военной разведки. Стивенсу, «блестящему лингвисту и превосходному рассказчику», Эллиотт симпатизировал. А вот Беста, напротив, считал «хвастливым ослом, раздувшимся от собственной важности».

Несколько месяцев спустя Стивенс и Бест тайно вышли на группу немецких офицеров, настроенных против Гитлера и решивших устроить военный переворот, чтобы от него избавиться. Во время встречи, организованной доктором Францем Фишером, немецким политическим беженцем, лидером группы, некто капитан Шеммель объяснил, что некоторые представители высшего немецкого командования, негодующие из-за потерь во время вторжения в Польшу, настаивали на необходимости «свергнуть нынешний режим и установить военную диктатуру». Премьер-министру сообщили о заговоре против Гитлера, и Стивенс получил указания провести переговоры с организаторами переворота. «У меня такое предчувствие, что к весне война закончится», – писал Чемберлен. Стивенс и Бест в сопровождении сотрудника голландской разведки отправились в Венло в приподнятом настроении, убежденные, что им предстоит личная встреча «с важной шишкой» – немецким генералом, который возглавит переворот. На самом же деле «Шеммель» оказался Вальтером Шелленбергом из службы безопасности нацистской партии, умным и беспощадным начальником контрразведки, а доктор Фишер был нанят гестапо. Встреча обернулась ловушкой, которую приказал устроить лично рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Примерно в одиннадцать утра Стивенс и Бест прибыли к оговоренному месту встречи – это было кафе «Бахус» с голландской стороны границы, в нескольких ярдах от пограничного поста. «Поблизости никого не было, кроме немецкого таможенника, – писал Стивенс, – и маленькой девочки, игравшей в мячик с большой собакой посреди дороги». Стоявший на веранде кафе Шелленберг помахал им шляпой, подзывая к себе. Это был сигнал. Когда они выбрались из машины, британцев тут же окружили офицеры СС в штатском и сделали несколько выстрелов в воздух из автоматов. Голландский офицер достал револьвер, и в него тут же выстрелили.

«В следующую минуту, – вспоминал Бест, – перед каждым из нас оказалось по двое молодчиков, причем один приставил дуло к виску, а второй надевал

наручники. Немцы крикнули нам: „Шагом марш!“, а потом, толкая в спину оружием и приговаривая: „Ать-два! Ать-два! Ать-два!“, погнали нас к немецкой границе». Военные затолкали пленных в поджидающие машины, захватив и умирающего голландского офицера.

«Одним махом, – писал Эллиотт, – все операции британской разведки в Голландии оказались под угрозой срыва». И, что еще хуже, в кармане у Стивенса самым идиотским образом оказался список разведывательных источников в Западной Европе. МИ-6 принимала срочные меры, чтобы вывести свою агентурную сеть прежде, чем немцы успеют атаковать.

Инцидент в Венло стал абсолютной катастрофой. Поскольку участие в нем голландцев не вызывало сомнений, к тому же они потеряли своего офицера, у Гитлера появилась возможность заявить, что Голландия нарушила собственный нейтралитет и тем самым дала Германии повод для вторжения, которое и произошло несколько месяцев спустя. В результате этого происшествия британцы стали с глубоким подозрением относиться к офицерам германской армии, заявлявшим о том, что они настроены против нацизма, – даже на последних этапах войны, когда такие настроения среди немцев были подлинными. Стивенс и Бест находились в заключении до конца войны. К декабрю благодаря информации, полученной от британских пленных и двойного агента ван Кутрика, немцам «удалось составить подробные и по большей части точные схемы агентурных сетей [МИ-6]», а также воссоздать структуру самой МИ-6. Это была первая и самая успешная операция германского комитета «двойной игры» во время войны. Как ни странно, она также оказалась одной из последних.

Впоследствии размышляя об инциденте в Венло, Эллиотт винил во всем «чрезмерное честолюбие» Стивенса, который почувствовал «возможность выиграть войну по собственной инициативе, и это полностью затмило его рассудок». Вместо того чтобы поддерживать видимость ячейки сопротивления внутри высшего немецкого командования, Шелленберг направил британцам торжествующее послание: «В конечном итоге разговоры с напыщенными глупцами начинают утомлять. Мы прекращаем всякое общение. Ваши друзья – немецкая оппозиция – шлют вам сердечный привет». Подпись: «Немецкая тайная полиция».

За первые полгода разведработы Эллиотт получил полезный опыт в области фальсификации и обмана, являющихся валютой шпионажа. Его начальник

теперь находился в немецкой тюрьме, став жертвой искусной махинации; ценный шпион бежал в Лондон, преданный двойным агентом; всей разведывательной сети в Голландии был нанесен смертельный удар. Даже безобидный капитан Джон Кинг, шифровальщик, обучивший Эллиотта этому ремеслу, отбывал десятилетний срок за шпионаж, после того как советский перебежчик рассказал англичанам, что Кинг за вознаграждение «передавал Москве все данные».

Царившая вокруг атмосфера двуличия вовсе не отпугивала Эллиотта, а игры в мошенничество и надувательство все больше его затягивали. По мнению Эллиотта, фиаско в Венло было «столь же чудовищным, сколь и постыдным», но вместе с тем и по-своему занимательным, ибо, служило наглядным примером, как можно одурачить людей незаурядного ума, если убедить их в том, во что они больше всего хотят поверить. Он схватывал все на лету и даже сочинил стишок в честь своей новой работы:

Как трудно на заре пути

Нам паутину лжи плести!

Но стоит чуть поднатореть,

И безупречной станет сеть.

В три часа ночи девятого мая 1940 года Эллиотта разбудила срочная телеграмма из Лондона. Он вынул справочники шифров из сейфа посла, устроился за посольским обеденным столом и начал расшифровку послания: «Получена информация, что немцы планируют наступление вдоль всего западного фронта…» На следующий день Германия вторглась во Францию и Голландию. «Вскоре стало очевидно, – писал Эллиотт, – что голландцы, как бы храбро они ни сражались, не смогут продержаться долго».

Британцы начали готовиться к бегству. Эллиотт и его коллеги из МИ-6 быстро развели во дворе посольства костер из папок с компрометирующими документами. Еще один сотрудник захватил почти все акции амстердамской алмазной биржи и контрабандой ввез их в Великобританию. Голландская королева уплыла подальше от опасности на эскадренном миноносце ВМС Великобритании вместе со своим правительством, секретной службой и золотым запасом. Главной задачей Эллиотта, как выяснилось, было эвакуировать перепуганных танцовщиков гастролирующей балетной труппы «Вик-Уэллс», что

он и сделал, погрузив их на устричное судно, реквизированное в Эймейдене. Тринадцатого мая британский эскадренный миноносец «Мохаук» встал на якорь в порту Хук-ван-Холланд, готовясь отвезти последних оставшихся британцев в безопасное место. Спеша в составе сопровождающей колонны в сторону берега, Эллиотт увидел, как огни горящего Роттердама озарили горизонт. Он поднялся на борт одним из последних. На следующий день голландцы сдались. Когда молодой сотрудник МИ-6 сошел на берег в Великобритании, его приветствовали словами: «Мы вышли в финальный заезд».

Эллиотт ожидал застать страну в кризисе, но был поражен, насколько «обычным и спокойным» оказался Лондон. С той поры, писал он, «мне и на мгновение не приходило в голову, что мы можем проиграть войну». Уже через несколько дней он был распределен в военную разведку, а потом, к его немалому удивлению, очутился за решеткой.

Уормвуд-Скрабс, викторианская тюрьма в Западном Лондоне, была приспособлена под военный штаб службы безопасности, МИ-5, которая теперь быстро разрасталась, чтобы справиться с угрозой немецкого шпионажа. В падении Франции и Нидерландов винили отчасти «пятую колонну» нацистов: вражеских шпионов, из-за границы способствующих продвижению Германии. Опасаясь немецкого вторжения, Великобритания вовсю развернула охоту на шпионов, и в МИ-5 буквально хлынули сообщения о подозрительной деятельности. «Англию охватила шпионская лихорадка», – писал Эллиотт, откомандированный в МИ-5, чтобы «предоставить свидетельства той деятельности „пятой колонны“ в Голландии, которую [он] видел собственными глазами». Угроза «пятой колонны» так никогда и не материализовалась по той простой причине, что ее не существовало: в планы Гитлера не входило начинать войну с Великобританией, так что почву для вторжения он практически не готовил.

Однако вскоре абвер принялся исправлять это упущение. В течение ближайших месяцев так называемые агенты вторжения буквально наводнили Великобританию, прибывая на кораблях, подводных лодках, а то и прыгая с парашютом; они были плохо подготовлены и недостаточно экипированы, так что поймать их не составляло особого труда. Одних поместили в тюрьму, других казнили, а еще ряд шпионов завербовали в качестве двойных агентов, чтобы они отправляли своим немецким кураторам ложную информацию. Так зарождалась грандиозная система «двойной игры», сеть двойных агентов, игравших все

более важную роль по мере того, как война прогрессировала. На допросах многие из этих шпионов выдали информацию, представлявшую огромный интерес для Секретной разведывательной службы. Эллиотту поручили координировать связь между разными видами секретных служб и выделили ему помещение в Уормвуд-Скрабс. Место для офиса выбрали странное – зловонное и грязное. Большинство заключенных были оттуда вывезены, но еще несколько человек оставалось, а среди них и старый итонец, учившийся в одно время с Эллиотом, – Виктор Херви, будущий 6-й маркиз Бристоль, печально известный гуляка, севший в тюрьму в 1939 году за ограбление ювелира из Мейфэра. Кабинетом Эллиотту служила звукоизолированная камера с дверью, у которой изнутри не было ручки; если бы последний посетитель, уходя, случайно повернул ручку снаружи, хозяин кабинета оказался бы заперт до самого утра.

Эллиотту нравилась его новая жизнь – днем в тюрьме, а вечером на свободе – в осажденном городе под дамокловым мечом вторжения. Он поселился на Кембридж-сквер, в районе Бэйсуотер, в квартире, принадлежавшей бабушке еще одного итонского друга, Ричарда Брумана-Уайта, тоже сотрудника МИ-6. Бэзил Фишер теперь был летчиком-истребителем в III эскадроне, летавшем на «Харрикейнах» из Кройдона. Каждый раз, когда Фишер был в увольнении, трое друзей собирались вместе – как правило, в «Уайтсе». Уже вовсю грохотали немецкие бомбардировки, а Эллиотт наслаждался «чувством товарищества», сидя с друзьями в роскоши закопченного, обитого красным деревом старейшего и самого привилегированного клуба для джентльменов. «Я почувствовал настоящую опасность один-единственный раз, когда пил коктейль „розовый джин“[1 - Коктейль на основе плимутского джина и венесуэльского биттера «Ангостура».] в баре клуба. Упавшая на соседнее здание бомба опрокинула мой коктейль и сбила меня с ног. Бармен тут же приготовил еще один „розовый джин“ и вручил его мне с наилучшими пожеланиями». Эллиотт получал от войны удовольствие. И вот, спустя три месяца после возвращения в Лондон, он наконец понял, что такое война.

Пятнадцатого августа III эскадрон «Харрикейнов» был поднят в воздух по тревоге, чтобы перехватить косяк «Мессершмиттов» Люфтваффе, перелетевших через Ла-Манш в районе Дангенесса. В последовавшем за этим яростном, охватившем все небо воздушном бою – одном из самых свирепых эпизодов Битвы за Британию – были сбиты семь немецких истребителей. Самолет Бэзила Фишера ушел в сторону, из охваченного пламенем фюзеляжа валил дым. Фишер прыгнул – с горящим парашютом – над деревней Сидлшем в Западном Суссексе. Стропы сгорели, и друг Эллиотта упал на землю. Оставшийся без пилота «Харрикейн» врезался в амбар. Тело старшего лейтенанта авиации Бэзила Фишера

обнаружили в пруду Сидлшема. Похоронили его во дворе церкви в Беркшире, в деревне, где он родился.

Эллиотт был в смятении, хотя и старался это скрывать. Как многие англичане из высшего общества он редко говорил о своих чувствах вслух, но его личная эпитафия Бэзилу Фишеру при всей ее напряженной, мучительной немногословности оказалась красноречивее любого количества эмоциональных эпитетов. Маска легкомыслия ненадолго соскользнула с него. «Бэзил Фишер пал в бою. Я очень глубоко это прочувствовал. Он был мне как брат. Так я впервые понял, что такое трагедия».

Эллиот все еще переживал свое горе, когда, всего несколько недель спустя, встретил еще одного новобранца секретных служб, продукт воспитания Вестминстерской школы, тоже выпускника Тринити-колледжа в Кембридже, человека, которому предстояло буквально определять всю его жизнь, – Гарольда Адриана Рассела Филби, более известного как Ким.

Глава 2

Пятый отдел

Знаменитое английское обаяние – дурманящее, чарующее, а порой и смертоносное – непременно упоминается при всяком описании Кима Филби. Он умел вызывать и выказывать симпатию с такой легкостью, что мало кто замечал, как их околдовали. Мужчины и женщины, старые и молодые, богатые и бедные – Киму все были подвластны. Он смотрел на мир живыми нежно-голубыми глазами из-под непокорной челки. У него были исключительные манеры: он всегда первым предлагал вам выпить, спрашивал о вашей больной матери и помнил имена ваших детей. Он любил смеяться и любил выпивать, любил слушать с выражением глубокой искренности и восхищенного любопытства. «Он был из тех, кого люди боготворили, – вспоминал один из современников. – Невозможно было просто симпатизировать ему, восхищаться им, соглашаться с ним – нет, только боготворить». Время от времени проявлявшееся заикание только добавляло Киму привлекательности, чуть приоткрывая милую маленькую слабость. Люди ждали, когда он произнесет свое слово, ждали, как выражался его друг, романист Грэм Грин, его «неуверенных, спотыкающихся острот».

Ким Филби был весьма заметной фигурой в Лондоне военной поры. В качестве корреспондента «Таймс» во время гражданской войны в Испании – он освещал события с территории, подконтрольной восставшим националистам, – Ким едва избежал смерти в конце 1937 года, когда снаряд республиканцев ударил рядом с машиной, где он сидел, поедая шоколад и запивая его бренди. Трое других военных корреспондентов погибли, а Филби отделался небольшим ранением в голову и обзавелся репутацией человека «недюжинной отваги». Генерал Франко лично повесил на грудь молодого журналиста орден Большого креста: красный, вручавшийся за военные заслуги на поле брани.

Филби был одним из всего лишь пятнадцати корреспондентов, отобранных, чтобы присоединиться к британским экспедиционным войскам, которые отправили во Францию с началом Второй мировой войны. Он присылал с континента сухие, оригинальные депеши для «Таймс», ожидая вместе с войсками начала битвы. «Многие выражают разочарование медленным темпом увертюры к Армагеддону. Они готовились к опасности, а их ждала тоска болотная», – писал Филби. Он продолжал присылать сообщения по мере продвижения немецких войск и покинул Амьен под грохот танков, входивших в город. На корабль, идущий в Англию, Филби садился с такой поспешностью, что ему пришлось даже оставить свой багаж. Его заявка на компенсацию за утерянный багаж стала настоящей легендой Флит-стрит: «Пальто из верблюжьей шерсти (двухлетней носки), пятнадцать гиней; трубка фирмы „Данхилл“ (использовалась в течение двух лет, что только придает ей ценности), один фунт десять шиллингов». И такова была репутация Филби, что «Таймс» компенсировала своему лучшему корреспонденту утрату старой трубки. Он и вправду зарекомендовал себя как отличный журналист, но его амбиции были в другой области. Он хотел работать в МИ-6, но, как и всякому, кто желает стать шпионом, ему предстояло решить головоломку: как можно вступить в организацию, если туда невозможно подать заявление, поскольку официально такой организации не существует?

В конечном итоге на секретную работу Филби приняли так же запросто, как и Эллиотта, и примерно таким же неформальным путем: Филби попросту «отпустил несколько намеков здесь и там» в присутствии влиятельных знакомых и стал ждать приглашения вступить в клуб. Первый знак, что его намеки поняты, он получил, когда, путешествуя на поезде в Лондон после бегства из Франции, оказался в купе первого класса вместе с журналисткой «Санди экспресс» по имени Эстер Гарриет Марсден-Смедли. Тридцативосьмилетняя Марсден-Смедли была участницей нескольких войн за рубежом и крепким орешком. Она угодила

под вражеский огонь на границе с Люксембургом и своими глазами видела, как немецкие войска хлынули через Западный вал. Эстер водила знакомство с сотрудниками секретных служб и, по слухам, немного шпионила в дополнение к основным обязанностям. Само собой, она тоже не осталась равнодушной к чарам Филби и сразу же перешла к делу.

– Для такого человека, как вы, было бы большой глупостью пойти в армию, – произнесла Эстер. – Вы способны сделать куда больше для победы над Гитлером.

Филби отлично понял, что имеет в виду его собеседница, и, заикаясь, признался, что у него «нет никаких знакомств в этом мире».

– Мы что-нибудь придумаем, – сказала Эстер.

Когда Филби вернулся в Лондон, его вызвали в кабинет редактора отдела международной политики «Таймс», чтобы сообщить следующее: звонил некий капитан Лесли Шеридан из «военного департамента» и спрашивал, можно ли воспользоваться услугами Филби для выполнения «военных заданий», характер которых не уточнялся. Шеридан, в прошлом ночной дежурный редактор «Дейли миррор», заведовал отделом МИ-6, известным как D/Q, занимавшимся очернительством и распусканием слухов.

Спустя два дня Филби пил чай в отеле «Сент-Эрмин» рядом с Сент-Джеймсским парком, всего в нескольких сотнях ярдов от управления МИ-6 в доме 54 по Бродвею, с другой замечательной женщиной – Сарой Алжирией Марджори Макси, руководителем отдела D в МИ-6 (D означало destruction – «разрушение»), который специализировался на тайных полувоенных операциях. Мисс Марджори Макси также возглавляла организационную работу консервативной партии, и эта роль очевидно помогала ей вычленять тех, кто способен успешно заниматься пропагандой и подрывной деятельностью. Филби нашел ее «необычайно располагающей к себе». Он ей тоже явно понравился, и они снова встретились два дня спустя, на этот раз с Гаем Берджессом, другом и кембриджским однокашником Филби, уже завербованным МИ-6. «Я начал пускать пыль в глаза и без зазрения совести сыпать известными именами, – писал Филби. – Выяснилось, что я понапрасну трачу время, поскольку решение было уже принято». В МИ-5 произвели обычную для такого случая проверку сведений и выяснили, что «на [него] ничего нет»: молодой Филби оказался чист. Валентайн Вивьен, заместитель директора МИ-6, знавший отца Филби в ту пору, когда оба

они служили в колониальной администрации в Индии, был готов лично поручиться за вновь завербованного. Его слова отражают, пожалуй, основной принцип, на котором держалась вся британская сеть «старых друзей»: «Меня спросили о нем, и я сказал, что знаю его семью».

Уйдя из «Таймс», Филби, как и полагалось, явился в здание рядом с управлением МИ-6, где ему выделили кабинет со стопкой чистых листов, карандашом и телефоном. Две недели он ничего не делал, только читал газеты и наслаждался долгими нетрезвыми ланчами в компании Берджесса. Филби уже начал задаваться вопросом, действительно ли он вступил в МИ-6 или же очутился в каком-то странном, бездействующем ее ответвлении, когда его определили в Брикендонбери-холл – тайную шпионскую школу, расположенную в недрах Хартфордшира, где причудливое сборище эмигрантов из Чехии, Бельгии, Норвегии, Голландии и Испании готовили к участию в тайных операциях. Впоследствии эту группу поглотило ВСО, Ведение специальных операций – организация, созданная, по словам Уинстона Черчилля, чтобы «поджечь Европу», ведя операции в расположении противника. Впрочем, в первые дни жизни этой организации единственным, что поджигали агенты, был Брикендонбери-холл и окружающая его сельская местность. Тамошний эксперт по взрывчатым веществам хотел провести показ для приехавших с визитом сотрудников чешских спецслужб, а в результате устроил лесной пожар и едва не спалил в священном огне всю делегацию. Вскоре Филби перевели в само ВСО, а потом в другую школу, расположенную в Болье (Хэмпшир), специализирующуюся на подрыве, беспроводной связи и диверсиях. Филби читал лекции по пропаганде – как журналист он считался достаточно в этом сведущим. Сгорая от нетерпения, он жаждал принять участие в настоящей борьбе, которую вела разведка в военное время. «Я сбегал в Лондон при малейшей возможности», – писал он. И вот во время одного из таких побегов он встретился с Николасом Эллиоттом.

Эллиотт так и не смог вспомнить, где именно состоялась их первая встреча. Может, в баре в самом сердце МИ-6 на Бродвее, в наисекретнейшем из кабаков Вселенной? Или дело было в «Уайтсе», клубе Эллиотта. А может, в «Атенеуме», клубе Филби. Возможно, их познакомила Эйлин, будущая жена Филби и дальняя родственница Эллиотта. Рано или поздно эта встреча должна была произойти, поскольку они принадлежали к одному миру, обоих бросили на выполнение важной секретной работы, к тому же они были на удивление схожи – и происхождением, и нравом. Клод Эллиотт и Сент-Джон, отец Филби, известный ученый-арабист, подружились во время учебы в Тринити-колледже, а их сыновья

послушно следовали по их академическим стопам: Филби, который был на четыре года старше, закончил Кембридж в тот год, когда Эллиотт туда поступил. Оба молодых человека жили в тени авторитетных, но холодных отцов, чьего одобрения страстно желали, но так толком и не могли добиться. Оба были сыновьями Империи: Ким Филби родился в Пенджабе, где его отец служил в колониальной администрации; мать родилась в семье чиновника департамента общественных сооружений в Равалпинди. Отец Эллиотта родился в Шимле. Обоих главным образом воспитывали няни, и на обоих наложило явный отпечаток их образование: Эллиотт с гордостью носил галстук «старого итонца»; Филби дорожил шарфом Вестминстерской школы. Наконец, оба молодых человека скрывали некоторую робость – Филби за своим непроницаемым шармом и периодическим заиканием, а Эллиотт за баррикадами шуток.

Между ними мгновенно завязалась дружба. «В те дни, – писал Эллиотт, – дружеские связи возникали быстрее, чем в мирное время, в особенности среди тех, кто был вовлечен в секретную деятельность». Пока Эллиотт помогал перехватывать отправленных в Великобританию вражеских шпионов, Филби готовил союзнических диверсантов к внедрению на территорию оккупированной Европы. В уютной изоляции строгой секретности они обнаружили множество общих тем для разговоров и шуток.

Ким заполнил пустоту, возникшую в жизни Николаса, когда погиб Бэзил Фишер. «Он обладал способностью внушать преданность и симпатию, – писал Эллиотт. – Он был из тех, кого могли инстинктивно любить, а вот понимали куда реже. Для друзей он выискивал все самое нетривиальное и необычное. Он не утомлял и не поучал». До войны Филби вступил в Общество англо-германского содружества – организацию с пронацистским уклоном, – но теперь, подобно Эллиотту, был решительно настроен на борьбу «с неизбежным злом нацизма». Друзья «крайне редко общались на политические темы» и проводили больше времени, обсуждая «средние показатели английских спортсменов и наблюдая за матчами по крикету, сидя в секторе „Маунд“ на стадионе „Лордс“, домашнем стадионе главной цитадели крикета – Мэрилебонского крикетного клуба», в котором состоял и Эллиотт. Казалось, Ким разделяет твердые, хотя и простые британские ценности Николаса, не усложняя их идеологией. «Правду сказать, – писал Эллиотт, – он не производил на меня впечатления прирожденного политика». Когда они познакомились, Филби было всего двадцать восемь, но Эллиотту он казался старше и опытнее (вероятно, сказывалось его пребывание в горячих точках), выглядел уверенным в себе, сведущим, а слегка подмоченная репутация только придавала ему обаяния.

МИ-6 пользовалась славой самой грозной разведывательной службы в мире, но в 1940 году переживала переходный период, проводя быструю реорганизацию перед лицом военной угрозы. Похоже, Филби внес в их деятельность свежую струю профессионализма. Откровенно честолюбивый, он скрывал свой пыл, как того требовали английские манеры, под «маской любезной, отстраненной светскости».

Хью Тревор-Роупер был еще одним новобранцем военной разведки. Один из умнейших – и самых грубых – людей в Англии, Тревор-Роупер (впоследствии известный как историк лорд Дакр) затруднялся подобрать хоть одно доброе слово для кого-либо из своих коллег («по большей части довольно глупы, а некоторые глупы изрядно»). Но Филби от них отличался: «Исключительная личность: исключительная по своим достоинствам, поскольку он производил впечатление человека умного, изощренного, живого». Казалось, он точно знает, куда идет. Говоря о делах разведки, Филби, по словам Эллиотта, демонстрировал впечатляющую «ясность ума», но не выглядел при этом ни ученым сухарем, ни педантом: «Он был в куда большей степени практиком, нежели теоретиком». Филби даже одевался своеобразно, избегая и типичного для чиновников Уайтхолла костюма в тонкую полоску с крахмальным воротничком, и военной формы, на которую он как бывший военный корреспондент имел право. Вместо этого Филби носил твидовый пиджак с заплатками на локтях, замшевые туфли и галстук, а иногда щеголял в зеленом пальто, отороченном ярко-рыжим лисьим мехом, – подарок отца, который тот, в свою очередь, получил от одного арабского принца. Этот эффектный наряд дополнялся фетровой шляпой и нарядным зонтом с ручкой из черного дерева. Малькольм Маггеридж, еще один писатель, завербованный военной разведкой, отмечал уникальный пижонский стиль Филби: «старожилы секретных служб по-прежнему питали склонность к гетрам и моноклям, когда те уже давно вышли из моды», а вот сотрудники нового набора «слонялись без дела в свитерах и серых фланелевых брюках, выпивали в барах, кафе и вовсе сомнительных заведениях… бахвалясь своими связями и знакомствами в преступном мире. Вполне возможно, прототипом такого образа послужил Филби – многие и впрямь считали его образцом для подражания». Вот и Эллиотт начал одеваться как Филби. Он даже купил точно такой же дорогой зонтик в магазине «Джеймс Смит и сыновья» на Оксфорд-стрит – зонтик, подходящий умудренному опытом представителю истеблишмента, не лишенному при этом щегольства.

Через Филби Эллиотт познакомился с братством амбициозных, умных, любящих выпить офицеров разведки, с так называемыми «младотурками» МИ-5 и МИ-6.

Эта неформальная, почти целиком состоящая из мужчин группа часто собиралась в свободное от работы время в доме у Томаса Харриса, богатого арт-дилера, наполовину испанца, работавшего в МИ-5, где ему предстояло сыграть ключевую роль в грандиозной афере под эгидой «двойной игры»: именно он руководил операцией двойного агента «Гарбо», Хуана Гарсии Пужоля. Харрис и его жена Хильда были гостеприимными хозяевами, и их дом в Челси с обширным винным подвалом постоянно служил салоном для шпионов. «Туда можно было заглянуть, чтобы проверить, кто на месте», – вспоминал Филби. Здесь, «в атмосфере haute cuisine и grand vin»[2 - Высокой кухни и коллекционного вина (фр.).], можно было встретить друга Филби Гая Берджесса, экстравагантного в своей гомосексуальности, часто пьяного, слегка дурно пахнущего, но всегда в высшей степени занимательного. Сюда также приходил их друг Энтони Блант, историк искусства из Кембриджа, ныне тоже скрывавшийся в глубинах МИ-5. Среди других завсегдатаев были Виктор, лорд Ротшильд, аристократ и начальник отдела противодиверсионных действий МИ-5, и Гай Лидделл, начальник контрразведки МИ-5, чьи дневники того периода дают исключительную возможность заглянуть в этот частный клуб в мире секретных служб, где можно было поесть, выпить и пообщаться. От МИ-6 к ним присоединились Тим Милн, учившийся в Вестминстерской школе вместе с Филби (он приходился племянником А. А. Милну, автору «Винни-Пуха»), Ричард Брум-Уайт, теперь заведовавший операциями МИ-6 на Пиренейском полуострове, и, конечно же, Николас Эллиотт. Хильда Харрис потчевала их роскошными испанскими блюдами. Лидделл, в свое время подумывавший о профессиональной карьере музыканта, иногда играл на виолончели. Берджесс, по обыкновению сопровождаемый очередным мальчиком по вызову, привносил ноту скандальной непредсказуемости. И между ними мелькал улыбчивый Филби со своим шармом, разглагольствуя о делах разведки, провоцируя споры («скорее смеха ради, нежели из злого умысла», уверял Эллиотт) и щедро угощая всех превосходным вином Харриса.

Даже по стандартам нетрезвого военного времени шпионы были отъявленными выпивохами. Алкоголь помогал притупить стресс подпольной войны, оказывая смягчающий эффект и способствуя сближению, а клубы для джентльменов могли обеспечивать своих членов запасами, о каких простым смертным, питавшимся по карточкам, оставалось только мечтать. Вот как описывал типичный ланч с коллегами писатель Деннис Уитли, служивший в отделе дезинформации британской разведки: «Для разгона мы всегда выпивали по два или три „Пиммза“[3 - «Пиммз» – традиционный английский крюшон, изобретенный Джеймсом Пиммом в 1820-х гг.] за столиком в баре, а потом по так называемому short-one[4 - Short-one – порция виски, которая выпивается

залпом.], хорошенько сдобренному абсентом… Затем следовал копченый лосось или консервированные креветки, потом дуврская камбала, рагу из зайчатины, лосось или дичь, а затем гренки с сыром, чтобы завершить трапезу. Все это мы обильно запивали хорошим красным или белым вином, а уж под самый конец пили портвейн или кюммель»[5 - Кюммель – немецкий тминный ликер с добавлением аниса и различных трав.]. После такого пиршества Уитли старался выкроить «часок, чтобы проспаться», и только потом возвращался на работу.

Но никто не подливал (и не употреблял) алкоголь с такой жизнерадостностью и с такой решимостью, как Ким Филби. По свидетельству Эллиотта, «он обладал выдающимися питейными способностями» и придерживался загадочной теории о том, что «всерьез пьющие люди должны всячески избегать занятий спортом, да и вообще внезапных или резких движений», поскольку это может вызвать «жестокую головную боль». Филби хлестал алкоголь и наливал другим, словно выполняя священный долг.

Эллиотту было лестно оказаться в такой компании, к тому же здесь он мог расслабиться. Англичанам присуща природная сдержанность. Англичанам, принадлежащим к тому же классу и типу личности, что и Эллиотт, – тем паче. Сотрудникам секретных служб запрещалось рассказывать своим друзьям, женам, родителям или детям, чем они занимаются, так что этот закрытый клуб привлекал многих связанных сведениями, которые необходимо держать в тайне от других. В компании гражданских лиц Эллиотт ни словом не упоминал о своей работе. Но внутри того светского монастыря, который представляла собой МИ-6, и в особенности на шумных вечеринках у Харриса, он оказывался среди тех, кому мог полностью доверять и с кем мог общаться со степенью открытости, невозможной за пределами этого сообщества. «В этой организации большинство коллег, мужчин и женщин, были близкими друзьями, – писал Эллиотт. – Здесь преобладала оживленная атмосфера товарищества, почти как в клубе, мы называли друг друга по имени и часто общались в нерабочее время».

Дружба Филби и Эллиотта была основана не только на общих интересах и профессиональной принадлежности, но и на чем-то более глубоком. Ник Эллиотт был любезен со всеми, но мало к кому эмоционально привязан. Таких отношений, как с Филби, у него больше не складывалось никогда и ни с кем. «Они говорили на одном языке, – вспоминает сын Эллиотта Марк. – Ближе Кима у моего отца друзей не было». Эллиотт никогда открыто не выражал, не демонстрировал своей привязанности. Как и многие другие важные вещи в мужской культуре того времени, это оставалось невысказанным. Эллиотт

преклонялся перед Филби, но также и любил его со всей силой мужского обожания – молчаливого, неразделенного, лишенного сексуального оттенка.

Их отношения стали еще более близкими, когда обоих извлекли из отдаленных краев британской разведки и поместили в самый центр, в Пятый отдел МИ-6, в подразделение, занимавшееся контрразведкой. МИ-5 отвечала за обеспечение безопасности, в том числе за противодействие вражескому шпионажу в Великобритании и в колониях. МИ-6 отвечала за сбор информации и курировала агентов за рубежом. В составе МИ-6 Пятый отдел играл особую и крайне важную роль: его сотрудники при помощи шпионов и перебежчиков собирали информацию о разведывательной деятельности врага на иностранных территориях и заранее предупреждали МИ-5 о разного рода шпионаже в Великобритании. Являясь важнейшим связующим звеном между секретными службами, Пятый отдел был призван «сводить на нет, запутывать, дезориентировать, подрывать, проверять или контролировать деятельность секретных служб по сбору информации и влиять на действия агентов иностранных государств или служб». Перед войной этот отдел отдавал большую часть своих сил наблюдению за международным распространением коммунизма и борьбе с советским шпионажем, но по мере того, как война продолжалась, сосредоточился почти исключительно на разведывательных операциях стран гитлеровской коалиции. Особое беспокойство вызывал Пиренейский полуостров. Сохранявшие нейтралитет Испания и Португалия оказались на передовой шпионской войны. Многие операции немецкой разведки, направленные против Великобритании, начинались именно в этих двух странах, и в 1941 году МИ-6 принялась укреплять позиции на Пиренеях. Как-то вечером Томми Харрис сказал Филби, что боссы разыскивают кого-то «знакомого с Испанией, чтобы поручить ему растущий подотдел». Филби тут же заинтересовался; Харрис поговорил с Ричардом Бруманом-Уайтом, другом Эллиотта, руководителем операций МИ-6 на Пиренеях, а тот обратился к главе МИ-6. «Система „старых друзей“ пришла в действие», по выражению Филби, и спустя несколько дней его вызвали на встречу с начальником Пятого отдела.

Майор Феликс Каугилл являл собой образец разведчика старой школы: бывший офицер индийской полиции, жесткий, воинственный, чрезмерно подозрительный и не блещущий умом. Тревор-Роупер пренебрежительно отзывался о нем как о «бестолковом человеке-катастрофе, одержимом манией величия», и Филби втайне относился к нему с не меньшим ехидством: «Для офицера разведки он был слишком скован нехваткой воображения, невниманием к деталям, да и попросту незнанием окружающего мира». Каугилл был «подозрительным и ершистым» по отношению к любому, кто не служил у него под началом, за своих

же подчиненных стоял горой и уж точно не мог тягаться с Филби по части обаяния.

Филби не писал официального заявления о приеме на работу, а Каугилл ничего ему официально не предлагал, но после одного долгого, богатого на возлияния вечера Филби получил новую должность: возглавил пиренейский подотдел Пятого отдела, и эта работа, как радостно отмечал Филби, предполагала более широкие обязанности, а также «личные контакты с остальными сотрудниками СРС и МИ-5». Но прежде чем Филби занял этот пост, Валентайн Вивьен, заместитель директора МИ-6, известный под прозвищем Ви-Ви, решил еще раз побеседовать с отцом Филби. Хилэри Сент-Джон Бриджер Филби был фигурой весьма одиозной. Как советник Ибн-Сауда, первого монарха Саудовской Аравии, он играл (и впоследствии продолжал играть) ключевую роль в льстивой тактике Великобритании в этом регионе. Он принял ислам, взяв имя шейха Абдуллы, свободно изъяснялся по-арабски и, в конце концов, взял в качестве второй жены рабыню из Белуджистана, подаренную ему саудовским королем. При всем при этом его вкусы оставались подлинно английскими, а мнения – совершенно непредсказуемыми. Как противник войны Филби-старший был в какой-то момент арестован и даже ненадолго посажен в тюрьму, впрочем, этот эпизод не нанес ни малейшего урона ни его собственному социальному положению, ни перспективам служебного роста его сына. За ланчем в клубе полковник Вивьен поинтересовался у Сент-Джона Филби политическими взглядами его сына.

– Он ведь был прокоммунистически настроен в Кембридже, не правда ли?

– О, то были всего лишь дурацкие увлечения школяра, – беззаботно ответил Сент-Джон Филби. – Теперь это совсем другой человек.

Николас Эллиотт тем временем совершал параллельный карьерный ход. Летом 1941 года его тоже перевели в Пятый отдел, где поручили курировать Нидерланды. С этого момента Филби стал бороться с немецким шпионажем на Пиренейском полуострове, а Эллиотт в соседнем кабинете боролся с тем же самым в оккупированной нацистами Голландии. Каждому платили жалованье наличными, в размере шестисот фунтов в год, и ни один из них, в соответствии с давними правилами секретных служб, не платил налогов. Теперь Филби и Эллиотт сражались плечом к плечу, чтобы «активно искать и ликвидировать вражеские разведслужбы».

Штаб-квартира Пятого отдела размещалась не в Лондоне, где находились остальные отделы МИ-6, а в Гленалмонде, большом викторианском здании на Кинг-Гарри-лейн в Сент-Олбансе, примерно в двадцати милях к северу от столицы, и носил кодовое название «Квартира Экс-Би». Ким Филби и Эйлин снимали небольшой дом на окраине города.

С будущей женой Филби познакомила его кембриджская приятельница Флора Соломон в день объявления войны. Дочь еврейского золотопромышленника из России, Соломон стала еще одним экзотическим цветком в пестрой оранжерее, которую являл собой круг Филби: в молодости у нее была связь с Александром Керенским, министром-председателем Временного правительства, свергнутого Лениным во время Октябрьской революции, а потом вышла замуж за британского генерала, участника Первой мировой войны. В 1939 году ее приняли на работу в магазин «Маркс и Спенсер», где она отвечала за улучшение рабочих условий сотрудников. Там она познакомилась и подружилась с Эйлин Фёрс, сотрудницей службы безопасности филиала магазина в районе Марбл-Арч. По словам Флоры, Эйлин принадлежала к так называемому провинциальному классу, ныне вышедшему из моды классу. «Она была типичной англичанкой, стройной, привлекательной, пламенной патриоткой». Незаметная в своем костюме и плаще, она становилась практически невидимой, когда несла службу в торговых залах «Маркса и Спенсера». Бдительная и осторожная, Эйлин старалась раствориться в толпе, отойти на второй план. Ее отца убили в Первую мировую войну, когда ей исполнилось всего четыре, и ее детство в одном из графств, прилегающих к Лондону, было строго традиционным, скучным и довольно одиноким. Втайне от всех она «страдала депрессиями». Эйлин Фёрс и Ким Филби познакомились в гостях у Флоры, в ее доме в районе Мэйфейр. Филби начал рассказывать, как работал корреспондентом в Испании. «В лице Эйлин он нашел жадного слушателя, – писала Соломон. – Вскоре я узнала, что они поселились в одной квартире».

Их союз виделся Эллиотту идеальным, основанным на общей любви к хорошей компании. К Эйлин он относился почти так же, как к Филби, а после того, как у него обнаружили диабет и Эйлин заботливо его выходила, эта привязанность еще окрепла. «Она была очень умна, – писал Эллиотт, – на редкость человечна, бесстрашна и отличалась приятным чувством юмора». В самом деле, Эйлин являла собой именно тот тип жены, о каком мечтал и сам Эллиотт: преданная, сдержанная, патриотичная, всегда готовая посмеяться над его шутками. Дочка Филби, их первенец, появилась на свет в 1941 году; в следующем году родился сын, а через год еще один. Как одобрительно заметил Эллиотт, переполняемый «отцовской гордостью» Филби проявил себя заботливым родителем.

Дом Филби стал местом, где собирались молодые офицеры разведки из Пятого отдела, загородной версией лондонского салона Харрисов, где двери – а также разнообразные бутылки – всегда были открыты. Грэм Грин, на тот момент один из заместителей Филби, вспоминал «долгие воскресные ланчи в Сент-Олбансе, когда целый подотдел отдыхал под его руководством, предаваясь обильным возлияниям». Коллеги обожали Филби и впоследствии упоминали о его «небольших знаках привязанности», душевной щедрости и отвращении к мелочным офисным интригам. «В нем что-то было, какая-то аура притягательной авторитетности, как у некоего романтического командира взвода, благодаря которой людям хотелось представать перед ним в наилучшем виде. Даже начальство признавало его способности и полагалось на него».

Пятый отдел представлял собой тесно сплоченное сообщество: всего дюжина представителей руководящего состава и их заместителей и столько же обслуживающего персонала. Руководители и секретари обращались друг к другу по имени, а между некоторыми существовала еще более тесная связь. «Веселый оркестр» Филби состоял из его старого школьного друга Тима Милна, жизнерадостного эксцентрика по имени Тревор Уилсон, прежде занимавшегося «приобретением экскрементов скунса» в Абиссинии для французской парфюмерной фирмы «Молине», и Джека Айвенса, экспортера фруктов, свободно говорившего по-испански. Местным жителям внушили, что образованные молодые люди в большом доме – команда археологов из Британского музея, ведущая раскопки развалин Веруламия (так древние римляне называли город, на месте которого теперь стоит Сент-Олбанс). Миссис Реннит, повариха, готовила сытные английские блюда, а по пятницам подавала традиционную картошку с рыбой. По выходным они играли в крикет на прямоугольной площадке за Гленалмондом, а потом перемещались в паб «Король Гарри», расположенный по соседству.

Начальником был полковник Каугилл, но душой компании – Филби: «Его самоотдача и целеустремленность во всем, чем он занимался, словно бы озаряли его изнутри и вдохновляли других следовать за ним». Эллиотт не был одинок в своем преклонении перед Кимом. «Никто не был бы лучшим шефом, чем Ким Филби, – утверждал Грэм Грин. – Он работал усерднее всех, но отнюдь не производил впечатления человека, надрывающегося на работе. Он всегда выглядел непринужденным, совершенно невозмутимым». Даже в самом нестрогом бюрократическом аппарате всегда есть место для манипуляций, но Филби вел себя по отношению к подчиненным подчеркнуто корректно. «Если

кто-то совершал просчет, он старался его минимизировать и сгладить, не критикуя». Десмонд Бристоу, только что завербованный сотрудник, говорящий по-испански, прибыл в Гленалмонд в сентябре 1941 года, где его приветствовал Филби, «человек кроткого вида с улыбчивыми глазами и уверенной манерой держаться. Он сразу произвел на меня впечатление тихого обаятельного интеллектуала… В нем чувствовалась умиротворенность духа». «Уютная атмосфера» Пятого отдела отличала его от остальных отделов МИ-6, более подверженных официозу. Члены команды мало что скрывали друг от друга, будь то официальная или личная информация. «Не составляло особого труда выяснить, чем заняты коллеги, – писал Филби. – То, что знал я, становилось известно и всем остальным».

Восхищению подчиненных вторило одобрение начальства. Феликс Каугилл называл Филби «хорошим судьей матчей по крикету». Высшей похвалы попросту не существовало. Она означала, что человек играет по самым честным правилам. Однако некоторые замечали в Филби проблеск чего-то другого, более жесткого и глубокого, некую «расчетливую амбициозность», «безжалостную целеустремленность». Подобно Эллиотту он прикрывался юмором, чтобы избежать расспросов. «В нем было нечто загадочное, – писал Тревор-Роупер. – Он никогда не заводил серьезных разговоров – все было пронизано иронией».

В качестве руководителя пиренейского подотдела Филби столкнулся с серьезным испытанием. Хотя Испания и Португалия официально провозгласили себя «невоюющими» странами с нейтральным статусом, на самом деле обе не только допускали, но и активно поддерживали немецкий шпионаж в крупном масштабе. Вильгельм Лейснер, шеф абвера в Испании, возглавлял хорошо финансируемую, обширную разведывательную сеть, включавшую в себя более двухсот офицеров (то есть более половины немецкого дипломатического корпуса) и порядка полутора тысяч агентов, разбросанных по всей стране. Главной мишенью Лейснера была Великобритания: вербовать и направлять туда шпионов, организовывать прослушку британского посольства, подкупать испанских чиновников и препятствовать английскому судоходству. Еще одним рассадником шпионажа стала Португалия, но там операции абвера, оставленные на попечении распутного немецкого аристократа Лудовико фон Карстхоффа, были менее успешными. Абвер поставлял в Испанию и Португалию средства и шпионов, но в поединке с Лейснером и Карстхоффом у Филби было одно решающее преимущество – Блетчли-парк, шифровальное подразделение повышенной секретности, где перехваченные немецкие радиограммы расшифровывались, благодаря чему можно было добывать бесценные сведения о нацистской разведке. «Потребовалось не так много времени, чтобы получить

весьма полную картину действий абвера на [Пиренейском] полуострове», – писал Филби. Эту информацию вскоре будут «активно использовать, чтобы подрывать или, по крайней мере, изрядно запутывать деятельность врага на им же выбранной территории».

Возложенная на Эллиотта задача по подрыву немецкой разведки в Нидерландах, где он прежде работал, была другого рода и еще более сложной. В оккупированной нацистами Голландии абвер действовал весьма успешно: ему удалось завербовать, подготовить и переправить в Англию целую группу шпионов. А вот разместить британских агентов в Голландии оказалось задачей не из легких. Те немногие разведывательные группировки, что уцелели после инцидента в Венло, были наводнены информаторами нацистов.

Согласно намеченному плану с призвуком историй про Джеймса Бонда (и всеми признаками хитроумия Эллиотта), голландский агент по имени Петер Тазелаар был высажен на берег неподалеку от приморского казино в Схевенингене, в резиновом костюме поверх смокинга, чтобы не промокнуть. Едва оказавшись на берегу, Тазелаар стащил верхний костюм и постарался «смешаться с толпой на побережье». Он даже обрызгал смокинг бренди, чтобы убедительнее выглядеть в образе «завсегдатая вечеринок». Одетый в соответствии с вечерним этикетом и благоухающий алкоголем, Тазелаар успешно миновал немецких охранников и отыскал рацию, заранее сброшенную с парашютом. Перекличка с агентом 007, возможно, неслучайна: в рядах бравых молодцев британской разведки на тот момент уже находился молодой офицер военно-морской разведки Ян Флеминг, будущий автор книг о Джеймсе Бонде. Ян Флеминг, как и Николас Эллиотт, в свое время хлебнул горя в Дернфордской школе; молодые люди стали близкими друзьями.

Петер Тазелаар оказался одним из немногих, кому удалось вернуться в Великобританию. Из пятнадцати агентов, отправленных в Голландию с июня 1940 года по декабрь 1941-го, выжило только четверо – сказывалась безжалостная эффективность майора Германа Гискеса, главы контрразведки абвера в Голландии, основного противника Эллиотта. В августе 1941 года Гискес перехватил команду голландских агентов ВСО, доставленных на побережье торпедным катером, и под угрозой казни заставил их послать зашифрованные радиограммы в Великобританию, чтобы заманить в Нидерланды еще группу шпионов. Порядка пятидесяти пяти голландских агентов были впоследствии схвачены и десятки казнены в ходе операции под кодовым названием Englandspiel («Английская игра»), проведенной в рамках «двойной игры». Только

двоим удалось бежать и предупредить британцев о том, что их водят за нос. Завершая операцию, Гискес послал заключительную издевательскую радиограмму: «Это последний раз когда вы пытаетесь вести дела в Нидерландах без нашей помощи Точка мы считаем что это довольно несправедливо ввиду нашего длительного и успешного сотрудничества с вами в качестве ваших исключительных агентов Точка но в любом случае когда бы вы ни захотели посетить Континент можете не сомневаться что мы примем вас с таким же вниманием и последствиями как и тех кого вы присылали раньше Точка счастливо». Этот эпизод стал, по словам Филби, «оперативной катастрофой», но почти такую же тревогу вызвал еще один факт: как выяснилось, немецкая разведка в Голландии умудрилась отправить одного шпиона в Великобританию так, что он не был обнаружен.

Весной 1941 года в бомбоубежище в Кембридже обнаружили тело голландца. Имя у него оказалось – нарочно не придумаешь: Энгельбертус Фуккен. В карманах и в чемодане у него нашли голландский паспорт, фальшивое удостоверение личности, а также один шиллинг и шесть пенсов. За пять месяцев до того он прыгнул с парашютом и приземлился в Бакингемшире, выдал себя за беженца, а впоследствии застрелился, когда у него закончились деньги. Еще ни одному нацистскому шпиону не удавалось так долго оставаться на свободе, и о нем не было ни слова в радиоперехватах, сделанных сотрудниками Блетчли-парка, а это, с точки зрения Эллиотта, давало повод обеспокоиться: вдруг где-то разгуливают и другие немецкие шпионы.

Благодаря облегченному режиму, установленному Каугиллом, офицеры Пятого отдела могли бывать в Лондоне, «практически когда заблагорассудится». Филби и Эллиотт наведывались туда при каждой возможности, чтобы поддерживать «контакты с другими отделами СРС, МИ-5 и прочими правительственными ведомствами», заодно посещать свои клубы, а летом еще и вместе смотреть матчи по крикету на стадионе «Лордс». Оба вызывались нести «пожарную вахту по ночам» – один или два раза в месяц – в главном управлении МИ-6, где они отслеживали телеграммы, пришедшие за ночь со всего мира, что позволяло им проникать в самую суть операций британской разведки. В этом тайном братстве Эллиотт и Филби были самыми близкими братьями – они сообща наслаждались и риском, и упорным трудом, и разгулом.

Как-то утром, в 1941 году, Ким Филби сел на поезд, идущий в Лондон, по обыкновению захватив с собой «раздутый портфель и длинный список людей, которых нужно было посетить». При нем также были подробные описания

деятельности Пятого отдела, его сотрудников, задач, операций, успехов и провалов, «записанные обычным письмом – аккуратным, мелким почерком». По завершении запланированных встреч в МИ-5 и МИ-6 Филби не поспешил ни в бар, располагавшийся под офисами МИ-6, ни к себе в клуб; не поехал он и в дом Харрисов, чтобы скоротать вечерок за выпивкой и обсуждением секретов. Вместо этого он спустился в метро, на станцию «Сент-Джеймсский парк». Он пропустил первый поезд, а потом, подождав, пока войдут все остальные пассажиры, проскользнул в вагон следующего поезда за секунду до закрытия дверей. Через две остановки он сошел и пересел на поезд, идущий в противоположном направлении. Выйдя из метро, запрыгнул в автобус на ходу. Наконец, удостоверившись в том, что за ним не следят (на шпионском жаргоне это называлось «пройти химчистку»), Филби направился в парк, где на скамейке его ждал коренастый светловолосый человек. Они пожали друг другу руки; Филби передал человеку содержимое своего портфеля, а потом поспешил на вокзал Кинг-Кросс, чтобы поехать домой, в Сент-Олбанс.

Если бы Ник Эллиотт прочитал отчет о Пятом отделе, написанный его лучшим другом, его бы сперва объяло изумление, а потом ужас. В одном абзаце было написано следующее: «Мистер Николас Эллиотт. 24. 5 футов 9 дюймов. Каштановые волосы, выпяченные губы, темные очки, уродливый и внешне слегка напоминает свинью. Неплохо соображает, хорошее чувство юмора. Любит выпить, но недавно тяжело болел, вследствие чего сейчас пьет мало. Отвечает за Голландию…»

Но Эллиотт удивился бы еще больше, если бы обнаружил, что человек, поспешно удалявшийся в вечернюю мглу с кипой бумаг, был офицером НКВД, а его друг Ким Филби – опытным советским шпионом, вот уже восемь лет работавшим под кодовым именем Сонни.

Глава 3

Отто и Сонни

Отец Филби дал сыну прозвище Ким в честь героя одноименного популярного романа Редьярда Киплинга. Поскольку Филби воспитывала няня-индианка, его первым языком можно считать панджаби на элементарном уровне; подобно

своему тезке у Киплинга, он был белым ребенком, который мог бы сойти за индийца. Прозвище приклеилось к мальчику навсегда, но его уместность проявилась только спустя годы. В литературном Киме живут две совершенно разных личности; он двуликий.

Спасибо земле, что меня родила,

И жизни, что кормит птенца.

Но превыше всех для меня Аллах,

Давший мне два лица[6 - Редьярд Киплинг. Ким. Лондон, 1994. Глава 8.].

Земля, взрастившая Кима Филби, сделала его типичным представителем высшего класса, англичанином из частной школы; жизнь, вскормившая его, создала нечто совершенно иное, и его дорогой друг Николас Эллиотт об этой жизни даже не подозревал. Эллиотт не знал, что Филби стал советским агентом в тот самый год, когда Эллиотт отправился в Кембридж; он не знал, что счастливый брак Кима – просто ширма, а на самом деле его друг женат на австрийской шпионке-коммунистке; он не знал, что Филби вступил в МИ-6 не потому, что был таким же страстным патриотом, как он, а скорее, как сформулировал это сам Филби, в качестве «агента глубокого внедрения, действующего в интересах советской разведки». И Николас не знал, что во время дружеских ланчей в Сент-Олбансе, хмельных вечеров дома у Харрисов, коктейлей в подвале МИ-6 и в баре клуба «Уайтс» Ким выполнял свои должностные обязанности, поглощая секреты своих друзей так же быстро, как джин, а потом все это передавал в Москву.

Истоки двойной жизни Филби лежат в его детстве, в его отце, воспитании и серьезной идеологической трансформации, повлиявшей на его становление в юности. Ким утверждал, что его двойное существование было обусловлено непоколебимой верой в систему политических принципов, которую он открыл для себя в восемнадцать лет и никогда ей не изменял: то, что враги Филби характеризовали как предательство, он считал преданностью. Но дело было не только в идеологии. Как многие, кто был порожден истеблишментом времен поздней империи, он обладал врожденной верой в собственную способность – и право – изменить мир и управлять им. Это их с Эллиоттом роднило, хотя взгляды друзей на то, как управлять миром, были диаметрально противоположными. Оба они были империалистами, но ратовали за соперничающие империи. Под редкостным шармом Филби скрывался плотный слой гордыни; обаятельный

человек приглашает тебя в свой мир, но на своих условиях, не позволяя заходить слишком далеко. Англичане любят секреты, любят сознавать, что им известно чуть больше, чем человеку, стоящему с ними рядом; а когда этот человек тоже является хранителем тайн, это удваивает то, что Тревор-Роупер называл «изысканным наслаждением, которое дает безжалостная, вероломная, тайная власть». Филби еще в юности испробовал мощный наркотик обмана и на всю жизнь пристрастился к неверности.

Для отца Ким был любимым проектом. Подобно Клоду Эллиотту, Сент-Джон Филби возлагал на сына большие надежды, но не выказывал ему теплых чувств. Он готовил сына для Вестминстерской школы и Кембриджа и гордился, когда тот сумел достичь этих целей; однако чаще всего он отсутствовал – носился по арабскому миру, пытаясь прославиться и постоянно нарываясь на конфликты. «Я стремлюсь к славе, что бы это ни означало», – признавался Сент-Джон Филби. Он был видным ученым, лингвистом и орнитологом, благодаря чему определенной славы действительно достиг, но мог бы пользоваться и более глубоким уважением, если бы не вызывал такого раздражения его нрав – упрямый и надменный. Сент-Джон Филби считал любое свое суждение, каким бы скороспелым оно ни было, истинным откровением; он никогда не уступал, не слушал других и не шел на компромисс. Он с одинаковой легкостью наносил оскорбления и обижался; он свирепо критиковал всех, кроме себя самого. Свою жену Дору он то оставлял без внимания, то третировал. Сноб и во многих отношениях традиционалист, Филби-старший вместе с тем подсознательно тяготел к бунтарству, из-за чего вечно шел против системы, а потом приходил в ярость и жаловался, когда система его не награждала. Ким одновременно видел в отце кумира и презирал его.

В школе юный Филби «постоянно ощущал длинную тень своего отца». Мальчик хорошо учился и пользовался популярностью среди товарищей, но при этом проявлял известную склонность ко лжи, несколько беспокоившую его родителей: «Ему следует всегда прилагать усилия, чтобы говорить правду, какими бы ни были последствия», – замечал отец. Ким прибыл в Кембридж в семнадцать лет, получив стипендию, чтобы изучать историю; он унаследовал от отца и уверенность в своих интеллектуальных способностях, и стремление плыть против течения.

Бурные идеологические течения, захлестнувшие Кембридж в 1930-е годы, образовали водоворот, который мгновенно поглотил Филби и многих других умных, сердитых, дезориентированных молодых людей. Ким завязал дружбу с

леваками, в том числе и с крайними леваками. Фашизм выступил в поход на Европу, и только коммунизм, как казалось многим, мог ему противостоять. Поздними вечерами за обильными возлияниями в обшитых панелями комнатах студенты спорили, дискутировали, примеряя на себя то один, то другой идеологический костюм, и в некоторых, хотя и редких, случаях готовы были принять революцию. Самым значительным и, безусловно, самым колоритным из радикальных новых друзей Филби был Гай Фрэнсис де Монси Берджесс, человек безнравственный, остроумный, весьма опасный и во весь голос проповедующий коммунистические взгляды. Еще один – Дональд Маклин, умный молодой лингвист, словно специально созданный для Форин-офиса.

Филби вступил в Социалистическое общество Кембриджского университета. Он вел агитацию за лейбористскую партию. Но не было никакого «внезапного преображения», никакого революционного озарения, когда религия коммунизма подчинила себе его душу. Напротив, взгляды студента Филби медленно дрейфовали влево, и этот процесс ускорился, когда в 1933 году Ким посетил Берлин и, подобно Эллиотту, собственными глазами увидел бесчеловечность нацизма во время антисемитской демонстрации. В отличие от многих своих друзей Филби так и не вступил в коммунистическую партию. Его взгляды были радикальными, но простыми: богатые слишком долго эксплуатировали бедных; единственный бастион, способный защитить от фашизма, – советский коммунизм, «внутренняя крепость мирового движения»; капитализм обречен и уже разрушается; британский истеблишмент отравлен пронацистскими настроениями. «Я окончил университет, – писал Филби, – с твердым убеждением, что должен посвятить свою жизнь коммунизму». Впрочем, придерживался он своих убеждений так ненавязчиво, что это оставалось почти незаметным для окружающих. Четырнадцать фунтов, которыми он был вознагражден за получение диплома, ушли на приобретение собрания сочинений Карла Маркса. Однако у нас нет точных сведений о том, насколько глубоко он их изучал, да и читал ли вообще. Хотя политике предстояло занять главенствующее место в его жизни, он не испытывал большого интереса к политическим теориям. Как впоследствии замечал Эллиотт: «…с трудом представляю его в роли преподавателя диалектического материализма».

Прежде чем покинуть Кембридж, Филби разыскал своего научного руководителя, экономиста марксистского толка Мориса Добба, и спросил у него, как лучше всего «посвятить свою жизнь делу коммунизма». Как мы видим, марксизм настолько глубоко проник в Кембридж, что Филби чувствовал себя в полной безопасности, задавая этот вопрос, а Добб не испытывал никаких опасений, отвечая на него. Добб отправил его к Луи Жибарти, парижскому

агенту Коминтерна, а тот в свою очередь организовал Филби встречу с австрийским коммунистическим подпольем. Это не составило особого труда: у крайне левых существовала собственная сеть «старых друзей».

Осенью 1933 года Филби отправился в Вену, якобы намереваясь подтянуть свой немецкий, прежде чем подавать заявку на устройство в Форин-офис, а на самом деле желая стать свидетелем, а по возможности и участником борьбы между левыми и правыми, разгоравшейся на тот момент в австрийской столице. Энгельберт Дольфус, австрийский диктатор крайне правых взглядов, уже приостановил действие конституции и наложил запрет на стачки и демонстрации, стремясь подавить социалистическое движение. Полномасштабный конфликт был неизбежен, и ситуация, как охарактеризовал ее Филби, достигла «переломного момента». Филби приехал по адресу, который ему дал Жибарти, и представился жильцам дома – Израилю и Гизелле Кольман, а также их дочери Алисе, в которую сразу же влюбился. Двадцатитрехлетняя Алиса – домашнее прозвище Литци – была темноволосой жизнерадостной еврейкой, прямолинейной до резкости и только что разведенной (она вышла замуж в восемнадцать). Когда Филби встретился с Литци, он все еще был девственником – в физическом и политическом плане; Литци быстро помогла ему восполнить эти пробелы. «Маленькая, но невероятно мощная секс-бомба» (по свидетельству одного современника), она была всецело предана делу революции.

Литци активно участвовала в венском коммунистическом подполье и поддерживала контакты с советской разведкой. Она провела две недели в тюрьме за подрывную деятельность. Филби сразу же потерял голову. Они занимались любовью в снегу. («На самом деле это довольно-таки тепло, надо только привыкнуть», – впоследствии рассказывал Филби уже другой подруге.) Он провел в Австрии всего несколько недель, когда Дольфус обрушился на левых, арестовывая социалистических лидеров, запрещая профсоюзы и подталкивая Австрию к короткой, но свирепой гражданской войне. Филби и Литци ввязались в бой на стороне социалистов-революционеров, недолговечного альянса социалистов и коммунистов; молодые люди передавали послания, сочиняли листовки и помогали мужчинам и женщинам, разыскиваемым правительством, покинуть страну. Левый фронт уничтожили за четыре дня; полторы тысячи человек были арестованы, а лидеры социалистов казнены. Литци тоже оказалась в списке разыскиваемых, и полиция уже шла за ней по пятам, но паспорт Филби обеспечил ей защиту: двадцать четвертого февраля 1934 года Ким женился на Литци в городской ратуше Вены. Это был не просто брак, заключенный во имя марксизма; в качестве миссис Филби новобрачная

могла бежать вместе с мужем в безопасную Великобританию. Литци – или «Лиззи», как он ее называл, – возможно, единственная женщина, которой Филби оставался верен как в идеологическом, так и в сексуальном плане. «Хотя основа наших отношений была до некоторой степени политической, я по-настоящему любил ее, а она любила меня».

Несколько недель спустя молодожены прибыли в Лондон и поселились там с матерью Кима. Дора Филби, верная традициям и отчаянно старавшаяся соблюдать приличия, несмотря на то что ей постоянно не хватало денег, вовсе не пришла в восторг, обнаружив, что сын женат на иностранной коммунистке. Она относилась к его политическим увлечениям как к особенностям очередной фазы взросления, сродни угревой сыпи. «Я очень надеюсь, что Ким устроится на работу, чтобы на этот чертов коммунизм не осталось времени, – писала миссис Филби мужу в Саудовскую Аравию. – Он еще не совсем радикально настроен, но может к этому прийти». Сент-Джона радикализм сына не волновал. «Со временем неумеренность всегда поддается укрощению», – утверждал он.

Всего через несколько недель после возвращения из Вены Филби сидел на скамейке в Риджентс-парке в ожидании «чрезвычайно важного человека», который, как обещала Литци, изменит его жизнь. На вопрос Филби, кто этот человек и чем же он так важен, она словно воды в рот набрала.

В лучах июньского солнца появился низкорослый, приземистый мужчина тридцати с небольшим лет, с кудрявыми светлыми волосами и умными глазами. Он заговорил по-английски с сильным восточноевропейским акцентом и представился как Отто. Филби навсегда запомнил их первый разговор. Отто рассуждал об искусстве и музыке, о своей любви к Парижу и нелюбви к Лондону. Он обладал, по замечанию Филби, «солидным культурным багажом». Отто совершенно заворожил Филби: «Он был прекрасным человеком. Просто прекрасным. Я сразу же это почувствовал. Первое, что привлекало внимание, – его глаза. Он смотрел на вас так, словно вы и разговор с вами сейчас для него важнее всего на свете». Эту особенность многие подмечали и у самого Филби. Постепенно их беседа стала дрейфовать в сторону политики, а потом к работам Маркса и Ленина, которые Отто, по-видимому, знал наизусть. Филби, в свою очередь, рассказал о своем политическом опыте в Кембридже, о своей деятельности в Вене и желании вступить в коммунистическую партию. В разговоре они активно использовали эвфемизмы, и Отто намекал, что может поспособствовать тому, чтобы Ким получил «важную и интересную работу». Их отношения, как часто бывает между шпионами, начались не с политики, а с

дружбы. «Я поверил ему с самого начала, – писал Филби. – Это был потрясающий разговор». Они договорились встретиться снова.

Настоящее имя Отто, которое Филби узнал только спустя десятилетия, – Арнольд Дейч. Он был главным вербовщиком советской разведки в Великобритании, главным архитектором того, что впоследствии станет известно как Кембриджская пятерка. Арнольд родился в семье чешских евреев и вместе с родителями ребенком переехал в Австрию. Обладая незаурядным умом, он за пять лет пребывания в Венском университете обзавелся докторской степенью по химии, пылкой преданностью коммунизму и страстным интересом к сексу. В начале своей карьеры он работал издателем и агентом немецкого сексолога Вильгельма Райха, «пророка усовершенствованного оргазма», стремившегося охватить пуританскую Вену сексуальным просвещением в рамках движения «Секспол» (сексуальная политика), приравнявшего подавление сексуальности к фашистскому авторитаризму. Райх создал радикальную, хотя и не слишком правдоподобную теорию, согласно которой «неудачи на сексуальном фронте привели человека к фашизму». Дейч продвигал в жизнь идею Райха о том, что чем лучше секс, тем лучше революционеры, и в то же время сотрудничал с советской разведкой, пройдя подготовительный курс в Москве. В 1933 году гестапо арестовало Дейча, но скоро выпустило; отделение венской полиции, занимавшееся борьбой с порнографией, тоже шло по его следу – в связи с деятельностью в рамках «Секспола». Год спустя он приехал в Великобританию, чтобы учиться в аспирантуре по фонетике и психологии в Университетском колледже Лондона, а при этом продолжал свою деятельность в качестве вербовщика шпионов. У Дейча были в Великобритании родственники, в частности, богатый кузен Оскар, основатель сети кинотеатров «Одеон», название которой некогда расшифровывалось как «Оскар Дейч развлекает наш народ» (Oscar Deutsch Entertains Our Nation). Таким образом, один из Дейчей извлекал неплохую выгоду из британского капитализма; другой, не жалея сил, старался его уничтожить.

Дейч был «нелегалом», что на шпионском жаргоне подразумевало шпиона, действующего без дипломатического статуса. В его задачи входило, используя в качестве прикрытия научную работу, вербовать в лучших университетах радикально настроенных студентов, потенциально способных впоследствии обрести власть и влияние в обществе. Дейч охотился за идейными шпионами, которые могли бы работать под глубоким прикрытием в течение длительного времени, незаметно смешавшись с другими представителями британского истеблишмента; дело в том, что советская разведка затеяла долгую игру, бросая в почву семена, призванные взойти через много-много лет или так навеки и

остаться в земле. Простая, блистательная, надежная стратегия, какую разработать могло только государство, целиком посвятившее себя мировой революции. Она оказалась потрясающе успешной.

Знакомство Филби с Дейчем, по-видимому, было организовано Эдит Тюдор-Харт, австрийской коммунисткой, подругой Литци. Урожденная Сушицки, дочь богатого венского издателя, Эдит вышла замуж за английского врача – тоже коммуниста – по имени Александр Тюдор-Харт и переехала в Англию в 1930 году, где работала фотографом и по совместительству искателем талантов для НКВД, используя на удивление будничное кодовое имя «Эдит». С 1931 года она находилась под наблюдением МИ-5, но – и это сыграло решающую роль – наблюдение не велось в тот день, когда она привела Филби на встречу с Дейчем в Риджентс-парке.

Филби был как раз таким новобранцем, какого искал Дейч. Амбициозный, с хорошими связями и преданный делу, но как-то незаметно: в отличие от других, Ким не стремился, чтобы его радикальные взгляды стали достоянием общественности. Он хотел делать карьеру в дипломатии, журналистике или на государственной службе, а для шпионажа все эти сферы деятельности подходят как нельзя лучше. У Дейча также сложилось впечатление, что Сент-Джон Филби – агент британской разведки, имеющий доступ к важным секретным материалам.

Во время второй встречи Дейч спросил Филби, готов ли тот действовать на благо коммунизма в качестве агента под прикрытием. Ким не колебался. «Незачем долго раздумывать, когда предлагают вступить в элитное подразделение», – написал он. Это замечание о многом говорит: привлекательность новой роли была в ее эксклюзивности. До некоторой степени история Филби – история человека, ищущего все более эксклюзивные клубы. В блестящей лекции, написанной в 1944 году, К. С. Льюис описал гибельное увлечение британцев «внутренним кольцом»: убеждение, что где-то, почти в пределах досягаемости, есть эксклюзивная группа, обладающая настоящей властью и влиянием, и англичанин определенного сорта всегда стремится найти ее и туда вступить. Вестминстерская школа и Кембриджский университет – элитарные клубы; МИ-6 представляет собой еще более закрытое братство; продолжая работу в МИ-6 и начав сотрудничество с НКВД, Филби оказался в клубе из одного человека и, таким образом, стал высшей элитой секретного внутреннего кольца. «Из всех страстей, – писал Льюис, – страсть к внутреннему кольцу наиболее умело толкает человека, еще не ставшего совсем дурным, к совершению очень дурных

поступков».

«Будущее представлялось мне в романтическом свете», – писал Ким. Дейч обрисовал ему общую картину этого будущего: Филби и Литци должны оборвать все коммунистические связи; вместо того чтобы вступать в компартию, Киму необходимо создать себе новый политический имидж человека правых взглядов, даже с нацистскими симпатиями. Для всех непосвященных он должен стать чинным представителем того самого класса, которому так истово себя противопоставлял. «По происхождению, образованию, внешнему облику и манерам вы интеллектуал, буржуа. Вас ждет прекрасная карьера. Буржуазная карьера, – объяснял ему Дейч. – Антифашистскому движению нужны люди, способные войти в буржуазные круги». Спрятавшись внутри истеблишмента, Филби мог «по-настоящему, осязаемо» помочь революции. Дейч инструктировал Кима относительно методов работы разведки: как организовать встречу; где оставлять сообщения; как определить, что его телефон прослушивается; как обнаружить хвост и как от него уйти. Он вручил Киму миниатюрный фотоаппарат «Минокс» и обучил его делать копии документов. Филби заучивал уроки Дейча, «как поэзию». Так началась его двойная жизнь.

Дейч дал Филби ласковое кодовое прозвище Сонни (по-немецки Suhnchen – «сынок») и сообщил о своем улове лондонскому резиденту НКВД, а тот в свою очередь передал новости в московский Центр, генеральный штаб советской разведки: «Мы завербовали сына английского агента, советника ибн Сауда, Филби». Это произвело впечатление на Москву: «Каковы его ожидания от дипломатической карьеры? Реалистичны ли они? Намерен ли он сам выбирать свой путь, или отец „предложит“ ему с кем-то встретиться и обсудить этот вопрос? Было бы хорошо». Дейч дал своему новому протеже указание составить список знакомых и однокашников из Оксфорда и Кембриджа, которых также можно было бы завербовать. Он велел ему тайно изучить все документы в домашнем кабинете Сент-Джона Филби и сфотографировать «представляющие наибольший интерес».

Задание шпионить за собственным отцом было, безусловно, проверкой его преданности, и Филби ее легко прошел. Он без колебаний сделал то, о чем его просили. Дейч сообщил, что новобранец «отзывается о родителях, зажиточных буржуа, и о своем социальном окружении в целом с неподдельным презрением и ненавистью». Филби, вне всяких сомнений, демонстрировал такое рвение на ниве классовой борьбы специально для Дейча, ведь куратор просто околдовал его «прекрасным образованием, гуманизмом, преданностью делу построения

нового общества». Они часто встречались, непременно «под открытым небом и подальше от центра», обычно в Лондоне, один раз в Париже. Дейч льстил своему подопечному и вдохновлял его. Когда отношения Филби и Литци начали портиться, старший товарищ наставлял младшего в супружеских делах. («Жена была его первой любовницей, – сообщал в Москву Дейч, как всегда охотно устанавливая связь между сексуальной жизнью и политическим рвением. – Когда в их отношениях возникли трудности, они оба делились со мной и следовали моим советам».)

Филби привязался, идеологически и эмоционально, к своему харизматичному советскому куратору. «Подчас мне казалось, что мы были друзьями с детства, – писал он. – Я был уверен, что моя жизнь и я сам интересовали его не столько профессионально, сколько по-человечески». Пагубное заблуждение многих шпионов – уверенность в том, что их любят, что к ним относятся как к равным, а не просто манипулируют. Арнольд внимательно изучил психологию Кима, вспышки неуверенности за галантным фасадом, неожиданное заикание, закамуфлированное отвращение к доминирующему отцу. Дейч сообщил центру, что Филби обладает потенциалом, но нуждается «в постоянном поощрении»: «Зёнхен происходит из особенной семьи. Его отец в настоящее время считается самым видным экспертом по арабскому миру… он амбициозный тиран и хотел сделать из сына великого человека». Дейч обратил внимание на интеллектуальное любопытство своего помощника, на частые перемены в его настроении, на его старосветские манеры и решительность: «Удивительно, что такой молодой человек обладает знаниями столь обширными и глубокими… Он настолько серьезен, что забывает о том, что ему всего двадцать пять».

Дейч настоятельно советовал Филби поработать журналистом – «оказавшись внутри, вы сможете осмотреться, а потом решить, в каком направлении двигаться» – и заверил Москву, что семейные связи обеспечат ему быстрое продвижение по службе. «У него много друзей в лучших домах». Вскоре Филби получил должность редактора отдела в «Уорлд ревью оф ревьюз», литературно-политического ежемесячного издания, а потом перешел в «Англо-джерман трейд газетт» – журнал, посвященный улучшению экономических отношений между Великобританией и Германией, частично финансируемый нацистским руководством. Завершая переход из крайне левого стана (тайно) в крайне правый (публично), он вступил в Общество англо-германского содружества, созданное в 1935 году, чтобы способствовать улучшению взаимопонимания с Германией. В этой выгребной яме для сторонников умиротворения и поклонников нацизма собрались политики, аристократы и лидеры бизнеса, причем некоторые из них были наивными и доверчивыми, а другие оголтелыми

фашистами. Поскольку здесь собрались люди, чьи убеждения были диаметрально противоположными взглядам Филби, у него появился идеальный политический камуфляж, а также информация – охотно принимаемая Москвой – о связях между нацистами и их британскими симпатизантами. Филби регулярно ездил в Берлин по делам общества и даже встречался с министром иностранных дел Германии фон Риббентропом. Впоследствии он утверждал, что находил роль пылкого молодого фашиста «глубоко омерзительной», потому что «в глазах моих друзей – пускай консерваторов, но честных консерваторов – я представал пронацистски настроенным». Бывшие друзья на левом фронте были ошеломлены столь явной трансформацией Филби, и некоторые даже стали его чураться. Дейч выражал сочувствие и уверял Филби, что знает, «как трудно покидать старых друзей».

Преданность Литци и Кима коммунизму оказалась более долговечной, чем их преданность друг другу; они разошлись вполне полюбовно, и она переехала в Париж. К изумлению Москвы, Филби не нашел в бумагах отца ничего, имеющего ценность для разведки. В НКВД были убеждены, что человек, обладающий такими хорошими связями, как у Сент-Джона Филби, так много и свободно путешествующий, просто обязан быть шпионом. «Трудно поверить, что его отец… не является доверенным, приближенным сотрудником разведывательной службы». Не в последний раз Москва принимала свои ошибочные ожидания за факт. Между тем Филби добросовестно предоставил список потенциально пригодных для вербовки лиц из числа кембриджских друзей-леваков, в том числе Дональда Маклина и Гая Берджесса.

Маклин, все еще преданный коммунистическим взглядам, на тот момент состоял уже в Форин-офисе. Филби пригласил его на ужин и намекнул, что можно заняться значимой секретной работой в интересах партии. «Люди, которым я мог бы вас представить, – очень важные». Ким посоветовал Дональду в определенный день зайти в определенное кафе, держа в руках книгу с ярко-желтой обложкой. Отто ждал его и соответствующим образом завербовал этого «очень серьезного и замкнутого» молодого человека с «хорошими связями». Получив прозвище Сирота, Маклин, подобно Филби, начал избавляться от своего радикального прошлого. «Сонни очень высоко отзывается о Сироте», – сообщал Дейч в Москву. Относительно Берджесса были некоторые сомнения: «Очень умный… но слегка поверхностный и в некоторых обстоятельствах может проболтаться».

Что характерно, Берджесс почувствовал, что ему отказывают во вступлении в самое интересное и опасное сообщество, и стал нагло пробиваться туда сам. Однажды вечером он прямо обратился к Маклину: «Ты думаешь, я могу поверить хоть на йоту, что ты перестал быть коммунистом? Ты просто что-то затеваешь». С некоторой неохотой Дейч добавил Берджесса к своему списку. Берджесс, в свою очередь, с максимальной помпой объявил, что сменил Маркса на Муссолини и теперь является поклонником итальянского фашизма. Впоследствии Берджесс представил Дейча еще одному новобранцу, Энтони Бланту, который на тот момент уже был видным историком искусства. Постепенно, тайно, с отеческим усердием и помощью Филби, Дейч добавлял звено за звеном к кембриджской шпионской сети.

Пока Дейч занимался вербовкой, большую часть повседневного управления шпионажем осуществлял еще один «нелегал» – Теодор Степанович Малли, бывший венгерский монах, который в качестве армейского капеллана во время Первой мировой войны был взят в плен в Карпатах и оказался свидетелем таких чудовищных зверств, что стал революционером: «Я потерял веру в бога, и, когда произошла революция, я примкнул к большевикам. Я стал коммунистом и остался им до сих пор». Выучившись на куратора, он в 1932 году прибыл в Лондон под именем Пола Хардта. Для шпиона Малли имел слишком заметную внешность: ростом шесть футов и четыре дюйма, с «серой, лоснящейся кожей лица» и золотыми пломбами в передних зубах. Но куратором он оказался весьма искусным. Малли разделял восторги Дейча по поводу Филби и характеризовал его «как вдохновляющую личность, настоящего товарища и идеалиста». Эти чувства не остались без ответа; в сознании Филби завораживающие личности его руководителей были неотделимы от их политического обаяния: «Оба они были умными и опытными профессионалами, а также по-настоящему хорошими людьми».

Деятельность Филби в «Англо-джерман трейд газетт» резко оборвалась в 1936 году, когда нацисты перестали оказывать изданию финансовую поддержку. Но к тому времени у московского Центра уже были на него другие планы. В Испании разгоралась гражданская война между республиканцами и восставшими националистами, возглавляемыми генералом Франко. Филби получил указание шпионить за националистами, маскируясь под вольного журналиста, и сообщать в Центр о передвижениях войск, коммуникациях, настроениях, а также о военной поддержке, которую силы Франко получали от Германии и Италии. Москва согласилась оплатить его поездку. «Филби крайне бережливо обращается с нашими деньгами», – сообщал Дейч своему начальству. В Испании Ким быстро снискал расположение пресс-службы Франко и начал рассылать

содержательные статьи в британские газеты, среди которых стоит отметить «Таймс». Вернувшись в Англию, он убедил самую влиятельную британскую газету сделать его специальным корреспондентом в Испании. «У нас большие трудности с получением хоть какой-то информации со стороны Франко», – сказал ему редактор отдела международной политики Ральф Дикин.

Между тем Филби старательно собирал данные для своих советских кукловодов относительно «боевого и численного состава подразделений, мест, где велись действия, калибров орудий, надежности танков» и другой военной информации. Все это он посылал в зашифрованном виде «мадемуазель Дюпон» в Париж (как он впоследствии выяснил, сообщения приходили на адрес советского посольства). У него завязался роман с Фрэнсис Добл, леди Линдси-Хогг, бывшей актрисой аристократического происхождения, которая была на десять лет его старше, поддерживала Франко, являла собой образец «роялистки ультраправых взглядов» и помогла Киму проникнуть в ближний круг Франко. «Я был бы лжецом, если бы сказал, что начал эту связь только ради работы», – впоследствии признавался Филби. Его вовсе не смущал тот факт, что он занимается любовью с человеком, чьи взгляды глубоко презирает.

Куратор Филби в Париже, латыш по фамилии Озолинь-Хаскинс, расточал своему подопечному похвалы: «Он работает с большой охотой [и] всегда знает, что может представлять для нас интерес. Он никогда не просит денег. Живет очень скромно». Кроме того, Филби не пренебрегал своей ролью вербовщика новых шпионов. Как-то раз во время пребывания в Лондоне он обедал с Флорой Соломон, управляющей магазином «Маркс и Спенсер», которая впоследствии и представила его Эйлин. Несмотря на унаследованное богатство и брак с генералом, ставшим биржевым маклером, Флора Соломон твердо придерживалась левых взглядов. По свидетельству одного офицера МИ-5, она «явно была в самой гуще событий в середине 1930-х годов, совмещая функции вдохновителя, соучастницы и курьера». Во время разговора Филби многозначительно сообщил, что «выполняет очень опасную работу на благо мира и нуждается в помощи. Могла бы она помочь ему с этой задачей? Было бы замечательно, если бы она присоединилась к борьбе». Он не уточнил, что предполагала его «важная деятельность на благо мира», но настаивал: «Тебе тоже следует этим заняться, Флора». Соломон, удивленная столь явным предложением взяться за секретную и опасную работу во имя коммунизма, отказалась от предложения Филби, но заверила его, что «он может всегда прийти к ней, если окажется в отчаянном положении». Она не забыла об этом странном разговоре.

Тем временем в Москве для агента Сонни разрабатывали еще более радикальный план. Его и раньше просили сообщать о мерах, принимаемых для безопасности генерала Франко. Теперь же московский Центр хотел знать, может ли Филби подобраться к каудильо достаточно близко, чтобы убить его и тем самым нанести сокрушительный удар националистам, которых поддерживали фашисты. Сотрудником, которому выпала незавидная задача довести эту идею до сведения Филби, был не кто иной, как Теодор Малли, знавший, что подобное поручение почти невыполнимо, а если и выполнимо, то равно самоубийству. Малли обсудил это предложение с Филби, но потом направил в Центр сообщение, в котором провозглашал затею недействительной, отлично понимая, что вызовет тем самым крайнее неудовольствие Москвы. «Даже если бы ему удалось подобраться к Франко поближе… он, несмотря на всю свою готовность, не смог бы выполнить то, чего от него ждут. При всей его преданности и готовности принести себя в жертву, он не обладает физической храбростью и другими необходимыми свойствами». От плана по-тихому отказались, но он стал еще одним признаком растущего в советских глазах статуса Филби: всего за четыре года он из только что завербованного агента превратился в потенциального убийцу. Газета «Таймс» тоже была под большим впечатлением от его работы. «Они очень довольны Кимом, у них о нем самое высокое мнение, – рассказывал Гаю Берджессу автор дневников Гарольд Николсон. – Ему очень быстро удалось сделать себе имя». Эта репутация стала еще более громкой, когда за день до своего двадцать шестого дня рождения, накануне нового 1937 года, Филби едва не был убит снарядом республиканцев (российского производства), пока освещал Теруэльскую операцию. Орден, полученный от самого Франко, убедил националистов в том, что Филби, как выразился один испанский офицер, «достойный малый».

Летом 1939-го, когда Франко одержал победу в Испании, Филби вернулся в Лондон и был тепло принят коллегами в «Таймс». А вот у советских друзей-шпионов он такого приема не встретил – по той простой причине, что все они умерли или исчезли, уничтоженные сталинским террором. В дикой, убийственной паранойе чисток всех, у кого были связи за рубежом, начинали подозревать в предательстве, и форпосты советской разведки оказались под особым подозрением. Теодора Малли одним из первых отозвали в Москву – из-за своего религиозного прошлого он быстро попал под подозрение: «Я знаю, что как у бывшего священника у меня нет шансов. Но я решил поехать туда, чтобы никто не мог сказать: видно, этот священник и вправду был шпионом». Теодора Малли пытали в подвалах Лубянки, главного управления НКВД, пока он в конце концов не признался, что был немецким шпионом, и тогда ему выстрелили в затылок.

Судьба Арнольда Дейча так и осталась невыясненной до конца. Как впоследствии утверждал Филби, Дейч умер, когда «Донбасс», танкер, на котором тот плыл в Америку, был торпедирован немецкой подводной лодкой, что сделало Арнольда жертвой гитлеровской, а не сталинской агрессии. Согласно отчетам КГБ, он погиб по дороге в Южную Америку, однако в еще одном отчете писали, что он направлялся в Нью-Йорк. Впрочем, не менее вероятной представляется и версия, что ясноглазый Отто, основатель-вербовщик «Кембриджской пятерки», разделил судьбу Малли. Еврейский интеллектуал, рожденный за границей и долгие годы живший за границей, он был подходящим кандидатом для чисток.

Задача по руководству кембриджскими шпионами перешла к некоему Григорию Графпену, но и его тоже арестовали и отправили в ГУЛАГ. Парижского куратора Филби Озолина-Хаскина расстреляли в Москве в 1940 году. Его преемник Борис Шапак продержался два года, а потом и его вызвали в Москву, чтобы убить. Несколько человек успели стать перебежчиками, но большинство склонились перед неизбежностью. Как признавался Малли: «Если они не убьют меня здесь, то убьют там. Лучше умереть здесь». Одного за другим кураторов Филби объявляли врагами народа. Ким знал, что они совсем не такие. Он ценил их «бесконечное терпение» и «глубокое понимание», их «тщательно продуманные советы, увещевания и поддержку». Но в дальнейшем он не выражал большого огорчения по поводу убийства этих «замечательных людей» и не особенно критиковал погубившую их тиранию. Значение имела только политика.

Однако политика к 1939 году становилась все более сложной. В августе министры иностранных дел Советского Союза и Германии подписали пакт о ненападении. Филби стал советским агентом, чтобы сражаться с фашизмом; теперь, по условиям пакта Молотова-Риббентропа, коммунизм и фашизм стали, по сути дела, союзниками. В первый и единственный раз в жизни Филби, видимо, испытал идейные колебания. «Что же будет теперь с единым фронтом борьбы против фашизма?» – спрашивал он своего нового советского куратора. В отношениях чувствовалось существенное охлаждение. Филби жаловался, что не получает политического инструктажа в необходимом объеме. Руководитель операции, сменивший прежнего, не знал Филби и, возможно, не доверял ему. На некоторое время контакты вовсе прекратились – по причинам, так и оставшимся неизвестными.

В тот же самый год глава МИ-5 любезно сообщил, что Советский Союз «не ведет никакой деятельности в Англии – ни разведывательной, ни подрывной». Он

глубоко заблуждался, поскольку советская агентурная сеть в Британии не только была куда значительнее любых инициатив Германии, но и разрабатывала новую тактику и побуждала своих шпионов устраиваться на должности в самой британской разведке, где они получили бы доступ к наиважнейшим секретам. Энтони Блант вскоре вступил в ряды МИ-5. Берджесс добился того, чтобы его приняли в МИ-6, именовавшуюся на кодовом языке советских спецслужб Отелем, а потом и помог устроить туда Филби. «Советские друзья настоятельно рекомендовали мне в первую очередь сосредоточиться на британской секретной службе», – писал Филби. И он послушно начал прощупывать почву.

Охлаждение между Филби и его советскими кураторами продлилось недолго. Весной 1940 года «Таймс» отправила своего лучшего корреспондента во Францию, чтобы он присоединился к британским экспедиционным войскам в качестве аккредитованного военного корреспондента. Филби уже вызубрил сложные инструкции, как вступить в контакт с советской разведкой в Париже. Ему надлежало стоять возле бюро путешествий «Томас Кук и сын» на площади Мадлен, держа в руках экземпляр «Дейли мейл»; у советского связного тоже будет экземпляр этой газеты. Филби должен был спросить его: «Не подскажете, где-то здесь находится кафе „Анри“?» В ответ он услышит: «Возле площади Республики». Разыграв эту мини-драму, Филби передал собранную в ходе его репортерской деятельности информацию о военной мощи и оружии, а также о французских войсках за линией Мажино – информацию, представлявшую огромный интерес для Москвы, а еще больший – для Берлина. Но если у него и были сомнения по поводу нацистско-советского пакта, то, видимо, они испарились. Вернувшись в Лондон после отступления войск, он поспешил связаться с Маклином, чтобы сообщить, что привез «невероятно ценные материалы», которые хотел бы передать в «подходящие руки». Филби по-прежнему оставался преданным своему делу, его решимость ничто не поколебало, а его намеки на то, что он хочет вступить в секретную службу, уже начали приносить плоды, материализовавшись в образе Эстер Марсден-Смедли.

Таков был человек, с которым Эллиотт встретился и подружился в 1940 году, – человек двуличный, использовавший одно из своих лиц, чтобы скрыть другое. Ник Эллиотт любил Филби и восхищался им, аристократичным бонвиваном с кембриджским образованием; обаятельным, счастливым в браке, консервативным членом клуба; закаленным в бою военным корреспондентом, игравшим ключевую роль в увлекательном мире шпионажа. Эллиотт даже не догадывался о другом Филби – бывалом коммунистическом шпионе, и должно было пройти еще много лет, прежде чем он наконец его встретит.

Глава 4

Детка, детка, я шпион!

Сэр Стюарт Мензис, глава МИ-6, являл собой практически карикатуру на идеального шефа шпионов: аристократичный, коварный и загадочный. Некоторые считали его незаконнорожденным сыном Эдуарда VII, и слух этот, скорее всего беспочвенный, сэр Стюарт вовсе не спешил опровергать. Подобно всем шефам МИ-6, он был известен как Ш, и традиция эта началась с инициала первого шефа, (Мэнсфилда) Камминга[7 - По-английски «шеф» – chief, фамилия первого шефа была Cumming, таким образом, всех последующих шефов по-английски именовали С.]. Мензис состоял в клубе «Уайтс», охотился на лис, общался с членами королевской семьи, не пропустил ни одного дня в Аскоте, охотно предавался возлияниям и надежно хранил свои секреты за небольшими, но суровыми усами. Сэр Стюарт предпочитал женщин мужчинам, а лошадей – и тем и другим. Он был непробиваемо вежливым и столь же безжалостным: вражеским шпионам, лисам и конкурентам по службе не стоило ждать от него пощады. Николас Эллиотт благоговел перед Шефом, потому что, по его словам, у того было «подлинное понимание ценностей» – под этим подразумевалось, что Мензис, старый итонец и друг отца Эллиотта, разделял его представления о мире. Ким точно так же восхищался Мензисом на людях, но втайне считал его образцовым экземпляром правящей элиты, чья судьба была предрешена. «Его интеллектуальный арсенал не производил впечатления, – впоследствии писал Филби, – его знания о мире и взгляды на него были как раз такими, каких можно ожидать от питомца высших слоев британского истеблишмента, ведущего довольно-таки замкнутый образ жизни». Одним словом, Ш созрел для манипуляций.

Как это свойственно маленьким, закрытым, самовоспроизводящимся сообществам, МИ-6 разрывали междоусобные распри. Клода Дэнси, помощника шефа, Хью Тревор-Роупер характеризовал как «изрядного мерзавца, продажного, некомпетентного, но по-своему хитренького». Валентайн Вивьен, Ви-Ви, обеспечивший Филби безболезненное вхождение в мир секретных служб, был старомодным ветераном колониальных порядков, приверженцем формы и протокола, и постоянно жил в ощущении социального беспокойства, поскольку был всего лишь сыном портретиста. На малейшее пренебрежение – подлинное или мнимое – он реагировал яростно. «По правде сказать, Вивьен давно уже

пережил пору своего расцвета, если она вообще была в его жизни, – колко заметил Филби. – Он был худой, с аккуратно завитыми волосами и влажными глазами». Дэнси ненавидел Вивьена, а Вивьен – Дэнси; босс Филби Феликс Каугилл враждовал с обоими и вызывал у них ответное презрение. Филби обхаживал всех троих, льстил им и презирал их, в то же время поддерживая отношения с другими подразделениями разведки, в особенности с МИ-5. Во-первых, именно в службе безопасности плоды его контрразведывательной деятельности были наиболее востребованы, во-вторых, что еще важнее, именно она отвечала за контршпионаж в Великобритании: окажись Филби под подозрением, МИ-5 сразу пошла бы по его следам. Таким образом, было важно завести друзей среди сотрудников этого ведомства. Самую тесную связь Филби удалось здесь наладить с руководителем контрразведки Гаем Лидделлом, утонченным виолончелистом-любителем и завсегдатаем шпионского салона Харриса. Вечно взъерошенный, непосредственный, Лидделл смахивал скорее на провинциального банкира, нежели на кукловода. «Он проборматывал свои мысли так, словно наощупь продирался к фактам той или иной операции, и на лице его появлялась уютная, невинная улыбка, – писал Филби. – Но за этим ленивым фасадом его тонкий и пытливый ум перебирал целую сокровищницу фотографических воспоминаний». Филби восхищался профессионализмом Лидделла и в то же время боялся его.

Секреты – валюта разведывательной деятельности, и некоторое хорошо просчитанное разглашение тайн в шпионской среде повышает обменный курс. Филби начал неофициально подбрасывать небольшие, но лакомые кусочки информации коллегам, и они отвечали ему тем же. По свидетельству самого Кима, «награда за подобное нарушение правил бывала подчас весьма щедрой». Поделившись секретом, можно было обзавестись другом, а дружба, или ее имитация, являла собой лучший способ выведать новые секреты. Филби стал заметным и популярным персонажем в коридорах как МИ-5, так и МИ-6, всегда готовым обменяться любезностями, сплетнями или конфиденциальными сведениями, всегда готовым пропустить после работы по стаканчику, да не по одному. Его советский кукловод удовлетворенно сообщал, что агент Сонни, возможно, «единственный в Отеле, у кого вообще нет врагов».

Мензис считал Филби и Эллиотта своими протеже, своими «золотыми мальчиками»: это новое поколение офицеров разведки далеко ушло от прежних полицейских с бакенбардами и ископаемых военных, преобладавших в довоенной МИ-6. Были они энергичными, целеустремленными и с хорошим образованием (но не интеллектуалами, коих Ш не жаловал). Они принадлежали к правильным клубам и говорили с правильным произношением. Вскоре стало

очевидно, что Мензис готовит обоих к продвижению по службе, отвергая любые попытки увлечь их в другом направлении. Когда Форин-офис поинтересовался, можно ли откомандировать Кима на дипломатическую службу, Ш отверг этот запрос с язвительной припиской: «Вам не хуже моего известно, какую ценную работу Филби выполняет для меня… Филби играет столь важную роль в нашей деятельности для нужд фронта, что его нынешние коллеги вынуждены с сожалением отказаться его отпускать». Подобным же образом личный секретарь короля Томми Ласселс послал Гаю Лидделлу записку, где сообщалось, что Эллиотта рассматривают в качестве возможной кандидатуры на должность секретаря монарха, и спрашивал его мнения. Лидделл ответил, что познакомился с Эллиоттом «в сутолоке [тюрьмы] Скрабс», что он «приятный человек и Невил Блэнд о нем высоко отзывался». Из него получился бы отличный придворный. Мензис, чья мать была фрейлиной королевы Марии, убил в зародыше и эту затею. Он хотел, чтобы его мальчики оставались в ближнем кругу, а Филби и Эллиотт, пусть и по весьма несхожим причинам, были этому только рады.

Деятельность Пятого отдела, боровшегося с немецким шпионажем по всему миру, была увлекательной, сложной и зачастую повергала в отчаяние. «На каждую зацепку, дававшую результат, – писал Филби, – приходилась дюжина тех, что извилистыми тропами заводили нас в тупик». Эллиотт находил «чудовищный» объем канцелярской работы – неотъемлемую часть разведывательной деятельности – особенно утомительным и стремился перенять манеру Филби по части написания докладных записок, служившую «образцом лаконизма и ясности». Однако пускай офицерам Пятого отдела и приходилось жаловаться на долгие часы работы, зато они сформировали сплоченную группу, со своими собственными дружескими ритуалами и обычаями: воскресный ланч у Филби, крикет по выходным, коктейли в «Короле Гарри», время от времени обед в лондонском клубе, а иногда и уикенды в Итоне. «Я обладал преимуществом, ибо мог приглашать друзей гостить с ночевкой у моих родителей, у которых, по счастью, были старые слуги, помогавшие справиться с огромным домом», – писал Эллиотт.

Филби, похоже, вкалывал в два раза больше всех остальных, в чем не было ничего удивительного, поскольку работал он на двух господ или, точнее говоря, делал вид, что служит одному, а на самом деле приносил пользу другому. По мере того как укреплялось влияние Кима на британскую разведку, возрастало и его значение в глазах советских спецслужб. Московский Центр направил своему

лондонскому резиденту сообщение, в котором описывал Сонни как «интересного и многообещающего агента» и приказывал активнее прибегать к его услугам. Филби отвечал преданным усердием. Во время ночной смены на Бродвее он тщательно изучал входящие телеграммы в поисках любой информации, представлявшей потенциальный интерес для НКВД; послания из Лондона в военное представительство в Москве считались «особо ценными». Филби описывал всех сотрудников Пятого отдела с язвительной точностью. Эллиотт был не единственным коллегой, которого могло бы шокировать тайное мнение о нем Филби: его боссу Феликсу Каугиллу «не хватало социальных навыков»; школьный товарищ Тим Милн был «подвержен инерции»; Тревор Уилсон, бывший собиратель скунсового помета, питал «излишнюю слабость [к] женщинам», а молодой Десмонд Бристоу являл собой «слабое звено… по причине незрелости и небольшого ума».

Каждый вечер Филби приносил домой «толстый портфель» и садился у себя в кабинете, старательно копируя документы, в то время как Эйлин готовила ужин и присматривала за детьми. Кстати, он докладывал и об Эйлин, словно комиссар, оценивающий идейные слабости ближайших родственников: «По своим политическим взглядам она социалистка, но, подобно большинству богатых представителей среднего класса, у нее почти неискоренимая склонность к определенной форме филистерства (мещанства), а именно: она верит в воспитание, в британский флот, в личную свободу, в демократию, в конституционную систему, в честь и прочее… Я уверен, что могу излечить ее от этих заблуждений, хотя, конечно, я еще не предпринимал таких попыток; надеюсь, революционная ситуация даст ей необходимую встряску и вызовет у нее нужный революционный отклик». Брак, семья, дружеские связи – все было подчинено требованиям революционной правоверности.

Филби выполнял все, о чем просили его советские кукловоды, хотя и находил это «сложной, изнуряющей, а подчас крайне заурядной работой, требовавшей невероятного терпения, силы воли и контроля». Кроме того, это сильно изматывало его нервную систему. По сообщениям куратора, Филби страдал от «приступов паники», что неудивительно, ведь он играл в невероятно рискованную игру. Если бы хоть один офицер советской разведки перешел на другую сторону и выдал его британским секретным службам, он был бы обречен. И это едва не произошло.

В 1937 году офицер советской разведки по имени Вальтер Кривицкий бежал на Запад, прихватив с собой в качестве приданого разведывательную информацию

самого высокого уровня, включая данные о семидесяти сотрудниках советской разведки, работающих за рубежом. Побег Кривицкого привел к аресту и судебному преследованию Джона Кинга, бывшего инструктора Эллиотта по шифровке. Однако большая часть информации была противоречивой и фрагментарной. В 1940-м Кривицого опрашивала офицер МИ-5 Джейн Арчер – дело происходило в отеле «Сент-Эрмин», где в свое время Филби завербовали в МИ-6. Беседа началась не лучшим образом: Кривицкому (известному под кодовым именем Мистер Томас) предложили к чаю таблетку сахарина (сахар приходилось строго дозировать). Кривицкий тут же решил, что таблетка отравлена и что британские секретные службы решили его убить, пусть и весьма очевидным и вежливым способом. Как только этот неловкий момент миновал, Кривицкий заговорил начистоту и выдал невероятно ценную информацию: во время гражданской войны в Испании советская разведка отправила туда агента, чтобы убить генерала Франко. Кривицкий не располагал именем или какими-то другими деталями, но описывал человека, который должен был стать убийцей, как «молодого англичанина, журналиста из хорошей семьи, идеалиста и фанатичного антифашиста». МИ-5 инициировала расследование, но поскольку в 1930-е годы в Испании находилось несколько журналистов из хороших семей, дознание быстро сошло на нет. Никому и в голову не пришло увязать этот намек с фигурой Филби. Об этой истории годами судачили в британской разведке, но серьезное значение она приобрела лишь много лет спустя.

Филби надрывался, служа советской идее, рискуя жизнью и готовясь докладывать обо всем, что интересовало Москву, включая собственного отца, жену и лучшего друга. Но Москва все еще была недовольна. Кембриджские шпионы – Гай Берджесс в МИ-6, Дональд Маклин в Форин-офисе, Энтони Блант в МИ-5, Джон Кернкросс в Блетчли-парке и Ким Филби в Пятом отделе – выдавали разведданные высочайшего уровня. Однако их продуктивность стала причиной парадоксальной ситуации. В пронизанном тотальным недоверием мире советского шпионажа качество, количество и систематичность этой информации вызывали подозрение. В Москве стали укореняться опасения, что посредством Филби и его друзей британская разведка, возможно, затевает сложную многоуровневую операцию, чтобы обмануть Москву; должно быть, все они – двойные агенты. Более того, история Филби не отвечала укрепившимся советским представлениям: МИ-6 считалась неуязвимой, однако Филби вошел туда почти прогулочным шагом; в университете он был леваком, однако проверка его прошлого – как предполагалось, тщательная – ничего этого не выявила; его попросили отыскать свидетельства того, что его отец был шпионом, но он не сумел этого сделать.

Может, Филби внедрен британской разведкой? Может, он пытался защитить своего отца? Может, он вообще враг народа, маскирующийся под друга? Чтобы это выяснить, решили устроить проверку. С информацией, предоставляемой Филби, был полный порядок, но Москву интересовали главным образом личности шпионов в Советском Союзе: кого МИ-6 завербовала в СССР, как их звали и какие советские секреты они раскрыли? Если Филби выдаст этих шпионов, значит, он предан Советскому Союзу и на него можно полагаться; если нет, тогда Москва сделает соответствующие выводы. Филби вежливо указал на то, что его задача в МИ-6 – ловить вражеских шпионов, а не курировать собственных агентов, что входит в обязанности другого отдела, находящегося в совершенно другом месте. Но Москва была неумолима: «Мы сказали ему, что он должен завладеть этими документами, используя любые убедительные и разумные предлоги». Как на собственном опыте узнал бывший куратор Филби Теодор Малли, отказ сделать что-либо, потому что это невозможно, согласно извращенной логике сталинизма рассматривался как знак измены. Ким послушно принялся за выполнение задания.

Главная канцелярия – память и справочная библиотека МИ-6 – размещалась в районе Прэ-Вуд в Сент-Олбансе, по соседству с главным управлением Пятого отдела. В размещенных здесь указателях были объединены личные дела всех нынешних секретных британских агентов и каждого агента, шпионившего на Великобританию с момента создания МИ-6 в 1909 году, включая имена, кодовые имена, прозвища, характеристики, качество работы и оплату, самый настоящий перечень шпионов по всему миру. Заведовал всей этой невероятно важной и опасной сокровищницей секретов капитан Уильям Вудфилд, главный регистратор, бывший полицейский с багровым лицом, чья страсть к возлияниям была чрезмерной даже по меркам МИ-6. В отчете для советского куратора Филби описал Вудфилда в своей обычной сжатой манере: «Около 58 лет, пять футов шесть дюймов, худощавого телосложения, темные волосы, лысая макушка, носит очки, длинное узкое лицо, раньше в течение нескольких лет был приписан к специальному отделу». Вудфилд любил похабные шутки и «розовый джин»: Филби специально разыскивал его в «Короле Гарри», чтобы щедро обеспечить и тем и другим. Вскоре они стали задушевными приятелями-собутыльниками, и когда Филби попросил разрешения посмотреть указатели, связанные с Испанией и Португалией, Вудфилд без единого вопроса позволил ему их вынести. Пиренейский полуостров – сфера деятельности Филби, следовательно, у него были все причины интересоваться агентами МИ-6 в этом регионе. Следом Филби запросил указатели, связанные с Советским Союзом. И у Вудфилда снова не возникло возражений – он даже не задумался, почему его симпатичный соратник

по хмельному делу интересуется областями, столь далекими от отведенного ему участка.

Филби, как водится, отправил отчет в Москву. В этом документе британские шпионы в Советском Союзе были описаны с типичной для него прямотой: «Их нет». По сообщению Филби, шеф московского подразделения МИ-6 не завербовал в Советском Союзе ни одного сколько-нибудь значимого шпиона; на его удочку попались лишь несколько незначительных информаторов, главным образом поляков. Более того, СССР был всего лишь «десятым в списке стран, куда собирались посылать агентов». Согласно документам, в Советской России не было ни британской агентурной сети, ни шпионской кампании МИ-6, «ни каких-либо советских граждан, работавших секретными агентами в Москве или где-либо еще на советской территории». Доклад Филби восприняли с изумлением; вследствие паранойи в сочетании с раздутым чувством собственной важности в Москве разозлились и не поверили. Советский Союз был мировой державой, а МИ-6 – наиболее грозной разведывательной организацией в мире; соответственно, были все основания полагать, что Великобритания, несомненно, шпионит за СССР. Если Филби утверждал иное, он, несомненно, лгал. Сама идея, что Великобритания теоретически могла отвести могучему советскому государству десятое место в своем списке стран-мишеней для шпионажа, была «явной нелепостью» (и, по правде говоря, весьма обидной). Разгневанный офицер советской разведки взял красную ручку и нацарапал два больших и сердитых восклицательных знака через весь текст доклада. Утверждение Филби представлялось им «крайне подозрительным»; его неспособность оправдать ожидания «вызывала сомнения»; в связи с этим его снова надлежало подвергнуть «проверке и перепроверке». По правде сказать, британская разведка все больше сосредотачивала свое внимание на угрозе нацизма, и с тех пор, как Москва стала союзником, Форин-офис наложил строгие ограничения на ведение секретной деятельности в Советском Союзе. Но когда Энтони Блант подтвердил, что у МИ-6 не было тайных агентов в СССР, он и сам попал под подозрение: должно быть, Филби и Блант в сговоре. Так сложилась причудливая ситуация: Ким говорил Москве правду, а ему не верили, поскольку правда эта противоречила ожиданиям Москвы.

Успешное несанкционированное проникновение Филби в советские документы было одновременно замечательным шпионским деянием и потерей времени: мало того что оно только усилило подозрения Москвы, но и едва не положило конец карьере Филби. Как-то раз поутру Билл Вудфилд, обладатель багрового лица, послал Филби вежливую записку с просьбой вернуть указатели к советским документам; Филби ответил, что уже сделал это. Вудфилд,

неряшливый пьяница, но крайне аккуратный библиограф, заметил, что на полке стоит только один указатель и в журнале записей возвращение второго тома никак не зафиксировано. Филби продолжал настаивать на том, что книги возвращены в хранилище, но все же перевернул свой кабинет «вверх дном» в напрасных поисках пропавшего тома. Он встретился с Вудфилдом в «Короле Гарри», «чтобы обсудить загадочную пропажу, пропустив по нескольку коктейлей „розовый джин“», и, к своему ужасу, выяснил, что по законам регистрации необходимо проинформировать Ш об отсутствующих документах. Это было в пятницу. Вудфилд сказал, что отправит докладную записку в понедельник. «Не о чем волноваться, – заверил Билл. – Чисто формальная бумажка». Так Филби оказался в большой опасности. Мензис может понять – и даже одобрить – его интерес к агентам МИ-6 в Испании и Португалии, но у него, безусловно, возникнет вопрос: что, черт возьми, его протеже может делать с материалами по Советскому Союзу, то есть по теме «далеко за пределами обычного круга [его] обязанностей»? В лучшем случае Филби предстояло непростое объяснение; в худшем – ему крышка.

После выходных, заполненных медленно кипящей паникой, наступил понедельник, а вместе с ним – в последнюю минуту – и отсрочка. Секретарша Вудфилда, на несколько дней слегшая с гриппом, вышла на работу и все объяснила: ей пришло в голову объединить два указателя в один том, чтобы материалы занимали меньше места на полке. Филби и вправду вернул документы. Вудфилд обрушил на Кима бурный поток извинений за неловкую путаницу, в очередной раз восседая над «рекой „розового джина“». Если бы секретарша Вудфилда болела чуть серьезнее и дольше, а ее начальник не нализался так сильно, история Филби могла бы на том и закончиться. Но удача сопутствовала ему: он увернулся от республиканского снаряда в Испании, увильнул от зацепки, подброшенной перебежчиком Кривицким, и едва избежал разоблачения, порывшись в советских документах. «Удача играла в моей жизни огромную роль, – впоследствии признавался он. – Но главное – знать, как ее использовать».

Николас Эллиотт начинал терять терпение. Жизнь в Сент-Олбансе оказалась довольно приятной, но «уединенной». Проведение контрразведывательных операций в оккупированной Голландии требовало написания гигантского количества служебных записок, приводившего к весьма посредственным результатам, и совершенно не предполагало действия. Мир разведки, согласно выводам Эллиотта, делился на «тех, кто сидит за столом у себя в стране,

анализируя и оценивая информацию по мере поступления, и тех, кто отправляется в известные и малоизвестные места, чтобы эту информацию раздобыть». Филби принадлежал к первым – одаренный аналитик, умеющий сопоставлять факты, а вот Эллиотт скорее тяготел к последним, и ему «не терпелось оказаться в следующем театре военных действий». Он мечтал о дальних странствиях, отчасти в пику решительному недоверию отца к «загранице». («Будь проклят любой иностранец, если он не занимается скалолазанием, – провозглашал Клод, – а немцы прокляты, даже если занимаются»). Эллиотту остро не хватало риска. С помощью Филби он начал добиваться более активной – и желательно более опасной – роли на своем поприще. Весной 1942 года его вызвали в кабинет Каугилла и оповестили о том, что вскоре он должен отправиться в Каир, а оттуда в Стамбул в качестве представителя Пятого отдела в Турции. На двадцатишестилетнего Николаса Эллиотта возлагалось руководство контрразведывательными операциями в настоящей оранжерее шпионажа, поскольку Турция сохраняла нейтралитет и, подобно Испании и Португалии, служила полем яростной секретной войны. «Я был в восторге», – писал Эллиотт. Филби устроил в его честь прощальный вечер. На следующий день, 11 мая 1942 года, лейтенант флота Эллиотт несколько неуверенно поднялся по трапу пятитысячетонного грузопассажирского судна в ливерпульских доках, входившего в конвой из сорока кораблей, который следовал в Африку.

Трехнедельный путь в Лагос Эллиотт провел, играя в бридж с офицером ВСО, «посланным в Анголу, чтобы затеять там бучу», дожидаясь своей очереди приручать старинное японское корабельное орудие, установленное на корме, и, конечно, то и дело заглядывая в «хорошо укомплектованный бар». Хотя по своим питейным способностям Эллиотт никогда не мог сравняться с Филби, выпивал он с большим удовольствием, несмотря на диабет, с которым боролся, попросту не употребляя сахара. Большинство его коллег даже не подозревали, что он диабетик; проявляя характерное для него безрассудство, Эллиотт не желал поступаться развлечениями ради здоровья. Когда судно вошло в порт Фритауна, на причале Эллиотта приветствовал Грэм Грин – на тот момент не особо довольный жизнью представитель МИ-6 в Сьерра-Леоне, подходящем месте, чтобы собирать материалы для прозы, но полном захолустье с точки зрения разведки. Едва бросив на Эллиотта взгляд, Грин провозгласил его «самым невзрачным армейским офицером, которого когда-либо видел». За выпивкой Грин объяснил, что считает главным поводом для беспокойства «нехватку противозачаточных средств в Сьерра-Леоне», и Эллиотт «сумел частично разрешить эту проблему благодаря щедрости некоторых наших пассажиров». Николас решил, что они предназначались для личных нужд Грина; на самом же

деле будущий романист устроил «передвижной бордель», чтобы вытягивать секреты из «двух одиноких немцев, заподозренных в шпионаже за британским судоходством», и работницы заведения требовали защиты от венерических заболеваний.

В Лагосе Эллиотт пересел на транспортный самолет «Дакота» и пять дней спустя достиг Каира, галопом проскакав по Африке через Кано, Форт-Лами, Эль-Фашер и Хартум. После того как Эллиотт доложил о своем прибытии руководству, ему сообщили, что в качестве первого задания он должен отвезти целый грузовик секретных материалов в Иерусалим на безопасное хранение, а потом отправиться в Бейрут. Затем ему предстояло сесть на легендарный экспресс «Тавры», идущий в Турцию.

Старый поезд медленно поднимался на Таврские горы, потом тихонько семенил по Анатолийскому плато в Анкару, а оттуда в Стамбул, никогда не превышая скорости тридцать миль в час и постоянно останавливаясь без видимых причин. Еда в вагоне-ресторане была отменной, и Эллиотт счел путешествие «восхитительным», а еще более приятным его сделало общество новой секретарши, молодой англичанки по имени Элизабет Холбертон.

Мисс Холбертон произвела на Эллиотта большое впечатление. В начале войны она побывала в моторизованных частях и водила джипы в пустыне, а потом стала секретарем в ставке верховного командования в Каире. Ревностная католичка с аристократическими манерами, она обладала острым умом, находчивостью и какой-то сдержанной красотой. Отец Элизабет в свое время руководил Бомбейско-Бирманской торговой корпорацией, а мать происходила из ирландской семьи потомственных судей. Молодые люди отлично поладили. Когда запасы воды в поезде иссякли, кондуктор принес Элизабет бутылку турецкого куантро, предложив почистить им зубы. Девушка назвала такой опыт освежающим. Эллиотту это понравилось.

Дипломатической столицей Турции была Анкара, но посольства главных держав находились в Стамбуле, на перекрестке между Европой и Азией; именно здесь осуществлялся серьезный шпионаж. Послом Великобритании в Турции служил сэр Хью Монтгомери Нэтчбулл-Хьюджессен, дипломат старой закалки. Большую часть времени он проводил на посольской яхте и был (видимо, неизбежность!) старым другом отца Эллиотта по Итону. По отношению к действиям британской разведки в Турции Хьюджессен занимал позицию «страдальческого терпения». Формально имея младший дипломатический ранг, Эллиотт вступил в быстро

разраставшуюся многоуровневую разведгруппу под общим командованием подполковника Гарольда Гибсона, ветерана МИ-6, обладавшего «большими способностями и энергией». Гибби осуществлял надзор за обширной системой сбора информации и курирования агентов, распространявшейся из Турции в Румынию, Болгарию, Грецию, Югославию и Венгрию. В задачи Эллиотта как представителя Пятого отдела входило саботировать операции вражеской разведки – главным образом те, что проводились абвером. Гибсон позволял Эллиотту разыскивать и атаковать вражеских шпионов в Турции по своему усмотрению, а их здесь было немало.

Стамбул, по словам официального историка МИ-6, был «одним из главных шпионских центров военнного времени». Город находился всего в сорока милях от оккупированной нацистами Болгарии; для Германии это был выход Ближний Восток, а для союзников – точка доступа к оккупированной Европе. Турки боялись Германии, не доверяли Советскому Союзу и не питали особых симпатий ни к британцам, ни к американцам. Но власти соглашались терпеть шпионаж иностранных держав при условии, что это не нарушало суверенитета Турции, а шпионы не попадались. К 1942 году примерно семнадцать разных разведок сошлись в Стамбуле, чтобы внедряться и смешиваться, подкупать, искушать и предавать, а с ними прибыла большая и пестрая толпа агентов и двойных агентов, контрабандистов, шантажистов, торговцев оружием, наркодельцов, беженцев, дезертиров, спекулянтов, сутенеров, фальшивомонетчиков, проституток и аферистов. Слухи и тайны – некоторые из них правдивые – вились вокруг баров и темных переулков. Одни шпионили за другими; турецкая тайная полиция «Эмниет» шпионила за всеми подряд. Некоторые сотрудники турецких ведомств были готовы делиться сведениями за хорошее вознаграждение, но то и дело, если шпионаж становился слишком наглым или предложенная компенсация казалась недостаточной, «Эмниет» проводила аресты. Шпионская война была напряженной и до странности персональной. Глава абвера был шапочно знаком со своими противниками из числа МИ-6 и советской разведки. «Все имели неплохое представление о своих врагах», – писал Эллиотт. Стоило тому или другому начальнику разведки войти в танцевальный зал «Парк-отеля», как оркестр бросался играть песню «Детка, детка, я шпион!»:

Я в опасную втянут игру,

Меняю имя свое каждый день поутру,

Другое лицо, но телом так же силен,

Детка, детка, я шпион!

Ты, верно, слыхала о Мате Хари?

С ней мы играли на гитаре,

Папаша застал нас, подвергнул каре.

Детка, детка, я шпион!

И сейчас как мужик я совсем не сник —

Такого самца еще поискать!

Но, слушай, малышка, болтай не слишком,

Мы лучше тайно ляжем в кровать.

Я – воплощенная отвага,

Тебя потрясет моя бурная сага.

Под коротким плащом огромная шпага.

Детка, детка, я шпион!

И эта шпага, торчащая из-под плаща, была невероятно острой. Всего за два месяца до прибытия Эллиотта македонский студент попытался убить немецкого посла Франца фон Папена, но бомба взорвалась преждевременно, уничтожив самого убийцу и только ранив немецкого дипломата. Москва винила гестапо; немцы обвиняли союзников; фон Папен подозревал британцев. Скорее всего, это была затея НКВД. Годом раньше чемодан с бомбой, оставленный в вестибюле отеля «Пера Палас», убил сотрудника британского консульства и тяжело ранил вице-консула Чантри Пейджа. Шпионаж в Стамбуле, по замечанию шефа тамошнего отделения разведки Гарольда Гибсона, осуществлялся «отнюдь не деликатными методами».

Порочное великолепие Стамбула увлекло Эллиотта мгновенно. Он разместился в кабинете посольства, «сверху донизу набитом агентами разведки, занятыми разными видами надувательства» – а рядом был сад, как ни странно, заполненный совокупляющимися черепахами, – и с головой окунулся в шпионскую борьбу. В первый же вечер его подкараулил майор Бернард О’Лири, невероятный полиглот, бывший офицер кавалерии, «баснословно эрудированный, но неисправимый лентяй», отвечавший за связи с турецкой разведкой. О’Лири объявил, что они отправляются в заведение «Таксим»,

шпионский центр Стамбула, нечто среднее между рестораном, ночным клубом, кабаре и казино. «В число его клиентов, – писал Эллиотт, – входили представители как гитлеровской коалиции, так и союзнических держав, большей частью занятые шпионской деятельностью». Заправлял «Таксимом» очаровательный белоэмигрант, принимавший взятки от всех и при этом ко всем одинаково относившийся. Он старался сажать шпионов-противников за соседние столики, чтобы можно было подслушивать. Официантками, по слухам, служили бывшие русские аристократки. В «Таксиме» все было не тем, чем казалось. Одним вечером Эллиотт наслаждался танцем живота в исполнении сногсшибательной женщины «с белоснежной кожей и волосами цвета воронова крыла», как вдруг она упала со сцены, подвернула лодыжку и громко выругалась с густым йоркширским акцентом: как выяснилось, дама приехала из Брэдфорда. Иногда вместо «Таксима» Эллиотт захаживал в бар «У Элли», любимое злачное место британских военных, где подавали «свирепый сухой мартини, сравнимый по эффекту с ударом лошадиного копыта». Пышная блондинка Элли, вроде как румынка по национальности, «говорила на прекрасном английском языке и якобы боялась и ненавидела немцев». На самом же деле, как выяснил Эллиотт, она была немецкой шпионкой, нанятой абвером, чтобы поить британских офицеров допьяна в надежде, что они начнут выбалтывать ценную информацию.

Эллиотт принялся заводить знакомства, которые заставили бы его отца содрогнуться. Впоследствии он писал, что «способность дружить – особенно важная характеристика» для офицера разведки. «Большая часть разведывательной деятельности полевого агента в том и заключается: завязывать личные отношения, завоевывать доверие, а в некоторых случаях – толкать людей на опрометчивые поступки». Он подружился с русским метрдотелем из «Таксима» и официантами в баре «У Элли»; он выпивал с бывшим офицером царской гвардии по имени Роман Судаков, внедренным в советскую разведку и согласившимся работать на МИ-6; он свел знакомство со швейцарами в посольствах, консульскими сотрудниками и клерками на телеграфе. Он установил контакты с представителями прессы, рыбаком Ларсом – тот ходил через Босфор, будучи отчасти контрабандистом и собирая информацию, чтобы иметь доход помимо улова. Особенно Эллиотт старался подружиться с проводниками спальных вагонов экспресса «Тавры», весьма востребованными в качестве курьеров для разведывательных организаций, поскольку железная дорога была единственным надежным путем из Турции на Ближний Восток. Проводники докладывали, кто куда путешествует, пересказывали сплетни, незаконно провозили важные бумаги и даже, за дополнительное вознаграждение, воровали проездные документы. Украденные

документы продавались за весьма солидные суммы – опять-таки самым разным клиентам: «Один особенно примечательный человек в какой-то период работал одновременно на абвер и на СД[8 - SD, Sicherheitsdienst – служба безопасности рейхсфюрера СС (СД) (нем.).] (причем ни одна из контор об этом даже не подозревала), на итальянцев, японцев, а еще и на британцев».

На другом полюсе стамбульского общества Эллиотт вращался среди высокопоставленных чиновников, военных чинов, дипломатов и высшего духовенства. Папский легат, монсеньор Анджело Джузеппе Ронкалли, впоследствии ставший папой Иоанном XXIII, оказался кладезем ценной информации и ярым антифашистом. Как многие в Стамбуле военного времени, Ронкалли вел двойную игру, обедая с фон Папеном и исповедуя его супругу, а при этом используя свое положение, чтобы вывозить из оккупированной Европы еврейских беженцев. Через несколько месяцев после того, как они стали друзьями, Эллиотт обнаружил, что помощник Ронкалли, некий монсеньор Ричи, «пренеприятный маленький человечек», – шпион, «использующий секретную радиоустановку в интересах итальянской военной разведки». Эллиотт дал наводку турецкой тайной полиции, и Ричи арестовали. Когда Николас в некотором смущении сообщил Ронкалли, что его помощник, скорее всего, проведет значительный промежуток времени, орудуя кайлом на каменоломне в анатолийской исправительной колонии, будущий папа только плечами пожал, но у Эллиотта возникло твердое впечатление, что тот «не слишком раздосадован».

Прожив в Стамбуле всего несколько месяцев, Эллиотт пришел к выводу, что там «на душу населения приходится больше людей, вовлеченных в разные формы мошенничества, чем в любом другом городе мира». И он уже установил личности значительной части этой публики: офицеры немецкой разведки, итальянские агенты, польские, чешские и югославские осведомители, независимые французские и еврейские агенты, а также офицеры НКВД и ГРУ (советской военной разведки). «Все они находились под пристальным наблюдением турок, у которых были собственные информаторы».

К энергичной контрразведывательной деятельности Эллиотта в Лондоне относились одобрительно. Сэр Стюарт Мензис всегда отличался, по словам Филби, «мальчишеским» отношением к контршпионажу: «Бары, бороды и блондинки». Эллиотт сполна приобщился ко всем трем компонентам, и его акции повысились еще больше, когда один из информаторов на экспрессе «Тавры» передал ему бомбу, сообщив, что взрывное устройство он получил от японского военного атташе, полковника Татеиши, с инструкциями взорвать его на линии

между Алеппо и Триполи. Эллиотт осмотрительно передал пакет в стамбульский отдел по борьбе с подрывной деятельностью и выплатил своему информатору солидную премию; информатор, в свою очередь, сообщил полковнику Татеиши, что бомба не взорвалась, и потребовал премиальных и с него. Все остались довольны.

Эллиотт наслаждался своим новым назначением. Даже отвратительный вирус ящура, который он подцепил во время путешествий, не мог притупить его счастья. А еще он переживал влюбленность. Элизабет Холбертон оказалась не только отменной секретаршей. Ее католицизм и его глубинное неприятие любой религии отнюдь не мешали расцветающему пышным цветом роману. Они были неразлучны и в огромных количествах поглощали египетское бордо – Эллиотт провозгласил его «худшим из красных вин, какие ему доводилось пить». Застенчивый, несмотря на всю свою общительность, Эллиотт несколько месяцев собирался с духом, чтобы признаться в своих чувствах. Коктейль, специально приготовленный для шпионов, сделал свое дело: «После трех вулканических мартини от Элли мы решили пожениться». Браки между сотрудниками и их секретаршами были вполне в традициях МИ-6, где атмосфера секретности порождала особого рода интимность. Даже у Ш была длительная связь с секретаршей.

Эллиотт быстро написал сэру Эдгару Холбертону письмо, в котором сообщал, что собирается жениться на его дочери и «надеется, что тот ничего не имеет против». Даже если бы сэр Эдгар и был против, это не имело бы никакого значения, поскольку у Эллиотта и в мыслях не было дожидаться ответа. Роман Судаков, его шафер, устроил мальчишник в «Парк-отеле» – мероприятие выглядело тем более многообещающим, что за соседним столиком сидели фон Папен, немецкий посол, и его военный атташе. После церемонии венчания, состоявшейся десятого апреля 1943 года и проведенной монсеньором Ронкалли в личной часовне папского легата, молодожены переехали в квартиру с видом на Золотой Рог, где компанию им составил маленький русский повар по имени Ярослав; он гнал самогон в ванной и начал обучать Эллиотта говорить по-русски.

Филби успехи Эллиотта, укрепление его репутации и новости о его женитьбе несказанно радовали. Николас Эллиотт был восходящей звездой в конторе и дорогим другом, а никто так не ценил дружбу, как Ким Филби.

Глава 5

Три молодых шпиона

Жизнь Филби в английском пригороде казалась унылой в сравнении с яркими впечатлениями Эллиотта на передовой шпионской борьбы. Сент-Олбанс находился очень далеко от Стамбула. По мнению Филби, он находился слишком далеко от чего бы то ни было, включая Лондон, где принимались важные решения в сфере разведывательной деятельности и можно было обнаружить наиболее ценные секреты. В начале 1943 года Феликс Каугилл объявил, что Пятый отдел переезжает в новое помещение на Райдер-стрит, в самом сердце Сент-Джеймса. Филби воодушевился, поскольку его новый кабинет располагался всего «в двух минутах от МИ-5 и в пятнадцати от Бродвея», главного управления МИ-6. Теперь он окажется ближе к своему клубу, к полным сплетен вечерам у Томми Харриса, да и к своим советским кукловодам тоже. Новое местоположение было идеальным еще и потому, что оттуда можно было установить контакт и завязать дружбу (с прицелом на последующие манипуляции) с новой важной участницей битвы разведок военного времени.

Нападение на Перл-Харбор буквально вбросило Америку в войну и фактически породило Управление стратегических служб, новую и хорошо финансируемую разведывательную контору под руководством общительного, амбициозного адвоката Уильяма Донована, он же Дикий Билл. Впоследствии УСС превратится в ЦРУ, самую могущественную разведку в мире, но в 1942 году Америка еще была новичком в деле разведки военного времени: ресурсов и энергии хоть отбавляй, а вот профессиональных знаний не хватало. Первые сотрудники УСС, жаждущие знаний, начали прибывать в Лондон в 1942 году, и размещали их в кабинетах на Райдер-стрит. Малькольм Маггеридж сравнивал их с невинными юными девушками, которым предстояло лишиться девственности в «старом затхлом разведборделе» под названием МИ-6. Филби был разочарован первыми американскими гостями, «откровенно растерянной группой». Даже их руководитель Норман Холмс Пирсон, ученый из Йеля, нещадно ругал собственную команду, характеризуя ее как «кучку бестолковых дилетантов». Тем не менее новички проявляли пугающее усердие, которое матерые ветераны МИ-6 находили довольно забавным. «Они буквально через слово напоминали нам, что приехали учиться», – писал Филби. Как уважаемому сотруднику разведки с трехлетним стажем ему предстояло стать одним из их самых авторитетных наставников и рассказывать американцам о работе контрразведывательного отдела МИ-6, структуре британских секретных служб и

процедурах дешифровки в Блетчли-парке. Филби пренебрежительно отнесся к этим чересчур увлеченным американцам, сочтя их «головной болью», но один из них явно выделялся среди товарищей: высокий, сосредоточенный, болезненно худой молодой человек, писавший поэзию, выращивавший тропические растения и изучавший мельчайшие подробности ремесла с самоотверженностью истинно одержимого человека. Звали его Джеймс Хесус Энглтон, и ему предстояло со временем вырасти в одну из самых могущественных и неоднозначных фигур шпионажа в истории. Энглтон был плодом романтического и неожиданного брака Хью Энглтона, солдата, занявшегося торговлей кассовыми аппаратами, и Кармен Мерседес Морено, необразованной, но пылкой и невероятно красивой женщины из Ногалеса, штат Аризона, в которой смешалась кровь мексиканцев и апачей. Познакомились они в 1916 году, когда Хью Энглтон служил кавалерийским офицером под командованием генерала Першинга во время военной кампании против мексиканского повстанца Панчо Вильи. Джеймс Энглтон родился в Бойсе, штат Айдахо, и получил второе имя Хесус от матери-католички – он ненавидел его, но оно вполне соответствовало его аскетичному и до странности одухотворенному виду. Мальчику было четырнадцать, когда его отец переехал в Италию, чтобы руководить, а потом и владеть миланским филиалом NCR (национальной компании по производству кассовых аппаратов). Молодого Энглтона послали учиться в Англию, сперва в частную среднюю школу в Бакингемшире, а потом в Малверн-колледж, британскую частную школу, хранившую верность викторианским традициям. Энглтон стал бойскаутом, старостой, вступил в корпус подготовки офицерского состава. По словам Энглтона, для него это были «годы становления»: из Малверна он вынес изысканные манеры, склонность играть по правилам, налет эксцентричности и легкий британский акцент, который так и остался у него навсегда. Мальчик из Айдахо стал «большим англичанином, чем сами англичане», и эту маску он носил – так же как и костюмы с Сэвил-роу – до конца жизни. В 1937 году он поступил в Йельский университет, чтобы изучать английскую литературу, но большую часть времени проводил, слушая джаз, ухлестывая за девушками и занимаясь изданием литературного журнала «Фуриозо», где печатались такие заметные поэты, как Эзра Паунд и Э. Э. Каммингс, дружбу с которыми он водил. Страдавший бессонницей полуночник, Энглтон приобрел репутацию ярого антикоммуниста и эстета; он сочинял романтические стихи, по большей части отвратительные, и получил прозвище Поэт. Товарищи по учебе считали его загадочным – «таинственной личностью с мрачной и таинственной внешностью». Вскоре после Перл-Харбора он добровольно пошел в американскую армию и через своего бывшего профессора английской литературы Норманна Пирсона получил работу в Лондоне в только что созданном УСС. Прежде чем отправиться в Англию, он женился на двадцатиоднолетней наследнице богатого

лесопромышленника из Миннесоты. Поступок этот выглядел немного странно, но Джим Энглтон часто поступал неожиданно. «Какое чудо сложности великой – Поэт», – писал Каммингс общему другу.

Энглтона прикрепили к X-2, отделу контрразведки УСС, точному аналогу Пятого отдела МИ-6. Со временем X-2 расширился и занял весь третий этаж здания на Райдер-стрит, а Пятый отдел расположился этажом выше. Филби призвали читать новичкам лекции по «прикладному искусству» контршпионажа, внедрению во вражеские разведывательные организации и руководству двойными агентами. Как заметил один американский офицер: «Я помню, что он произвел на меня большое впечатление. Он действительно знал, что делает».

Филби привязался к двадцатичетырехлетнему американцу и впоследствии написал: Энглтон «завоевал мое уважение, открыто отвергая англоманию» очень и очень многих вновь прибывших американцев. А Энглтону и не требовалось становиться англофилом, ведь во многих аспектах он и так уже был вполне англичанином. Сейчас трудно определить степень дружбы между Кимом и Джеймсом, поскольку впоследствии сторонники Энглтона старались ее преуменьшить, а враги, напротив, преувеличить. По свидетельству биографа Энглтона, «возможно, Филби чувствовал, что у них с Энглтоном отношения наставника и ученика; возможно, Энглтон разделял это чувство». Ким был покровителем и экспертом, а Джеймс – протеже и молодым дарованием. «Филби стал одним из учителей Энглтона, его главным наставником в сфере контрразведки; Энглтон смотрел на него снизу вверх как на старшего брата». Киму нравилось иметь почитателей, и, возможно, Джеймс заполнил пустоту, оставшуюся после отъезда Николаса Эллиотта. Новички и ветераны знакомились за выпивкой – в ней, само собой, недостатка не было. «Наши европейские друзья потребляли алкоголь в невероятных количествах, при этом словно бы и не пьянея», – вспоминал офицер УСС. Энглтон мог пить с упорством, достойным самого Филби, но он вообще все делал с невероятной отдачей, чем производил на окружающих сильное, но немного странное впечатление. В свой кабинет на Райдер-стрит он принес раскладушку и, по-видимому, большую часть ночи проводил, изучая эзотерические тайны контршпионажа с таким благоговейным усердием, «словно они заключали в себе таинство святой Троицы». Он общался с писателями и поэтами, в том числе с Уильямом Эмпсоном и Т. С. Элиотом, время от времени вставляя в свои отчеты стихотворения. Эмпсон отмечал его «неуемную страсть к упорядочиванию». Коллеги по УСС находили его «поистине блистательным, но чудаковатым… полным невероятных, колоссальных идей». В чем-то Энглтон был сродни редкостной орхидее, какие он стал впоследствии выращивать все с той же самоотдачей: экзотический гибрид, мексикано-

апачский поэт-шпион с английским выговором, уникальный и примечательный, соблазнительный для некоторых, но слегка зловещий для тех, кто предпочитал более простую флору. Начальство признавало, что Энглтон, при всех своих странностях, нашел свое признание, и шесть месяцев спустя его повысили до звания второго лейтенанта и сделали главой итальянского подразделения X-2, контролирующего контрразведывательные операции в стране, где он провел большую часть юности. Своим быстрым восхождением Энглтон был отчасти обязан наставничеству и покровительству Кима и впоследствии упоминал о его вдохновляющем примере. «Как только я встретил Филби, некогда поманивший меня мир разведки поглотил меня целиком, – признавался Энглтон. – Он лицом к лицу встречался с нацистами и фашистами, принимая их вызов и вмешиваясь в их деятельность в Испании и Германии. Нас привлекали его утонченность и опыт… Ким многому меня научил».

Сочетание обаяния и компетентности способствовало карьерному росту Филби в рядах союзнической разведки; прибавлялось у него и обязанностей. В конце 1942 года Каугилл попросил его взять на себя операции контрразведки в Северной Африке – районе, приобретавшем ключевое значение по мере того, как силы союзников вторгались в Марокко и Алжир (тогда эти территории находились под контролем Франции). Прежде в конторе за этот регион отвечал капитан Феликс Русси, бывший солдат из Гибралтара, которого Ким описывал своим советским кураторам как «почти полного кретина». Филби был только рад захватить его владения. «Нам неплохо удалось взять под контроль деятельность абвера в Испании и Португалии, – писал Филби, – [и] у меня не было причин уклоняться от дополнительных обязательств». Несколько месяцев спустя его резюме снова пополнилось – на сей раз ему поручался контршпионаж в Италии (в УСС этот же регион вскоре передали в ведение Джеймса Энглтона). Вскоре после переезда в Лондон Каугилл попросил Филби временно действовать в качестве его заместителя «во всех делах разведки», поскольку сам он отбывал в США с трехнедельным визитом по делам МИ-6. С ироничной наигранной скромностью Филби отметил, что «его карьера в секретной службе пошла в гору». Однако для Кима это продвижение было всего лишь способом приблизиться к другой цели. «Я рассматривал свои назначения в СРС исключительно в том плане, в каком они служили прикрытием для моей работы, – я должен был хорошо выполнять свои обязанности, чтобы получать должности, на которых мог бы наиболее эффективно служить Советскому Союзу».

Даже тем, кто по-настоящему одержим какой-либо идеологией, как правило, необходимо проверять свои убеждения на прочность; им нужно, чтобы кто-то

понимал их, поддерживал или подвергал их идеи сомнению. Филби никогда не делился своими убеждениями, никогда не обсуждал политику даже с другими советскими шпионами, если не считать ранних идеологических дискуссий с Арнольдом Дейчем; он крайне редко поднимал тему коммунизма в разговорах с советскими кураторами. Филби убедил себя в правильности своего курса еще в 1934 году, после чего тема была закрыта. Он хранил и лелеял свои убеждения в полной изоляции.

Возможно, основная ирония положения Филби заключалась в том, что с точки зрения британцев он был вне подозрений, а вот Москва продолжала относиться к нему с недоверием. Основным источником сомнений советской стороны стала пышная блондинка, очень умная, верная политическим догмам и одержимая глубокой паранойей сотрудница НКВД, аналитик разведки Елена Модржинская, возглавлявшая британский отдел московского Центра. Как и у большинства тех, кто пережил сталинские «чистки», страх, пропаганда и повиновение оставили осадок недоверия в душе Модржинской, одной из очень немногих женщин, занимавших руководящие посты в советской разведке. Она подозревала масштабный заговор; она попросту не могла поверить заявлениям «кембриджской пятерки», будто они идут на столь «немыслимый» риск ради советской стороны. Конечно же, ей представлялось совершенно невозможным, чтобы люди с коммунистическим прошлым с такой легкостью проникли в британскую секретную службу и так быстро поднялись по карьерной лестнице; было известно, что британцы разработали сложный план, чтобы обмануть нацистов, поэтому вполне логичным казалось, что они попытаются проделать то же самое и с Москвой. Короче говоря, Модржинская попросту не могла – и не хотела – верить, что Филби тот, за кого себя выдает: «агент глубокого внедрения, работающий на советскую разведку». В ее глазах Филби был провокатором, самозванцем, двойным агентом: «Он лжет нам самым наглым образом». Анатолию Горскому, новому резиденту в Лондоне, дали инструкции выяснить, какую именно дезинформацию распространяют Филби и остальные британские двойные агенты. Со временем Центр даже направил в Лондон агентов под прикрытием, чтобы проследить за «кембриджской пятеркой» и собрать разоблачительные данные. Члены группы наблюдения не говорили по-английски и постоянно терялись, виня в этом блестящее шпионское мастерство Филби и компании, а вовсе не собственное неумение ориентироваться по карте. Сотрудники советской разведки стремились найти свидетельства, которых не существовало, а потерпев неудачу, они сочли это доказательством того, что свидетельства надежно спрятаны. В конце концов, сама «английскость» Филби делала его подозреваемым. По наблюдению советского офицера Юрия Модина, очередного куратора «кембриджской пятерки», «он [Филби] настолько полно –

как психологически, так и физически – воплощал собой образ сотрудника британской разведки, что я так до конца и не сумел свыкнуться с мыслью о том, что он один из нас, марксист, нанятый на секретную службу Советским Союзом».

Несмотря на подозрения Модржинской, обращение советских кукловодов с Филби внешне не изменилось. Горскому приказали вести дела с британскими шпионами «таким образом, чтобы поддерживать в них убеждение, будто мы им безоговорочно доверяем». И вот сложилась поистине странная ситуация: Филби сообщал Москве правду, ему не верили, но позволяли думать, что верят; он обманывал британцев, чтобы помочь советской разведке, подозревавшей и в свою очередь обманывавшей его. Доверие Москвы к Филби переживало взлеты и падения; порой его считали подозреваемым, иногда ему все-таки верили, а временами – и то и другое одновременно.

Великобритания и СССР были союзниками с того момента, когда Гитлер напал на Советский Союз летом 1941 года. Филби мог утверждать, что, передавая информацию Москве, всего лишь помогает союзнику и поддерживает «борьбу единого фронта против фашизма». Его коллеги в МИ-6 и УСС вряд ли бы с ним согласились. Лондон и Москва уже начали обмениваться весьма ценной информацией, но в крайне ограниченном формате, поскольку обе стороны продолжали относиться друг к другу с глубоким подозрением. А Филби отсылал в Москву такие секреты, передача которых Сталину не могла присниться его боссам из МИ-6 даже в страшном сне: отвлекающие маневры, подлинные имена агентов и руководителей операций, а также подробное (и выдающее всех с потрохами) описание всей структуры секретной службы. Кроме того, существовала опасная вероятность – так и не подтвержденная, но и не опровергнутая, – что в советскую разведку проникли немецкие шпионы и информация, добытая «кембриджской пятеркой», отправлялась обратно в Берлин. Если возможность такого развития событий и приходила в голову Филби, она его, по-видимому, не волновала. Он был предан Москве, а как Москва поступала с предоставляемой информацией, его уже не касалось. Он понимал, что совершает государственную измену, шпионя на иностранное государство, и знал о грозивших ему последствиях. Если бы его поймали, то почти наверняка судили бы по закону 1940 года «О государственной измене», что означало бы смертную казнь.

Смерть тоже входила в условия игры. Филби принял ликвидацию своих горячо любимых советских кураторов с молчаливым непротивлением истинно верующего. Более дюжины шпионов, перехваченных благодаря расшифровкам

из Блетчли-парка, окончили свою жизнь на виселице или перед расстрельной командой. Британская разведка вовсе не была выше того, чтобы «шлепнуть» вражеского шпиона, если воспользоваться жизнерадостным эвфемизмом, популярным в МИ-6. Впоследствии Филби утверждал, что «и его скромный вклад помог выиграть войну», поскольку на его счету большое количество немецких жизней. Хотя и вел свои сражения из-за стола, но считал себя бойцом, рискующим не меньше, чем на фронте. Но по мере того, как война приближалась к кульминационной точке, шпионская карьера Филби входила в новую и куда более кровавую фазу, во время которой он помогал уничтожать уже не нацистских шпионов, а обычных мужчин и женщин, чьим единственным преступлением было несогласие с избранной им политической доктриной. Вскоре Филби начал убивать во имя коммунизма, а Николас Эллиотт, сам того не ведая, помогал ему в этом.

Главным противником Эллиотта в стамбульской шпионской битве был высокий, лысый, учтивый юрист по имени Пауль Леверкюн, носивший очки и, возможно, имевший гомосексуальную ориентацию. Оторванный от своей уютной судебной практики в Любеке, чтобы стать шефом абвера в Турции, Леверкюн не очень-то годился на роль куратора. Он изучал право в Эдинбургском университете и работал в Нью-Йорке и Вашингтоне. «Подверженный перепадам настроения и нервный», он не любил Турцию и, как многие офицеры абвера, особо не задумывался о жестокости и вульгарности нацизма. Он больше смахивал на ученого, нежели на шпиона. При всем при том он был первоклассным руководителем и, как выяснил Эллиотт, достойным противником со значительной агентурной сетью, куда входили немецкие экспатрианты и турецкие информаторы, а также русские бандиты, персидские головорезы, арабские стукачи и даже один египетский принц. «Город наводнен их агентами», – предупреждало одно из донесений УСС. Германия взломала дипломатические коды Турции еще в самом начале войны. Шпионы Леверкюна, его наводчики и приманки обнаруживались повсюду, где можно было разжиться секретом. Хильдегард Рейли, привлекательная немецкая вдова американского офицера, практически дежурила в «Таксиме», где «мастерски усугубляла разговорчивость британцев и американцев». Вильгельмина Варгаши, белокурая голубоглазая венгерка, несла вахту в баре «У Элли», где ей, по слухам, удалось соблазнить не менее шести солдат союзнических войск. Леверкюн курировал агентов на Ближнем Востоке, собирая информацию о войсках союзников в Палестине, Иордании, Египте и Ираке, а также засылая шпионов в Советский Союз, чтобы они раздули там революционный пожар против режима Москвы, – то же самое пытались сделать и ЦРУ с МИ-6 после войны.

Деятельность Эллиотта часто приводила его в Анкару, где он останавливался в посольской резиденции в качестве гостя Нэтчбулла-Хьюджессена. В таких случаях предупредительный британский посол даже одалживал Эллиотту своего личного камердинера, албанца по имени Эльеса Базна, чтобы тот помог ему одеться к ужину. «Я отлично его запомнил, – впоследствии писал Эллиотт, – невысокого роста, кругленький, с высоким лбом, густыми черными волосами и большими висячими усами». Прежде чем примкнуть к обслуживающему персоналу британского посольства, Базна побывал мелким преступником, слугой в югославском посольстве и камердинером немецкого дипломата, который уволил его, застав за чтением своих писем. Кроме того, Базна шпионил на Германию.

У сэра Хью Нэтчбулла-Хьюджессена выработалась опасная привычка приносить документы домой, в посольскую резиденцию, в своей вализе для официальных бумаг и читать их в постели, прежде чем сдать на хранение. Посол Эллиотту нравился, но впоследствии он согласился, что того следовало «немедленно отправить в отставку» за столь вопиющее нарушение правил безопасности. Разведав, что именно читает его босс перед сном, Базна смекнул, что сможет на этом заработать. В октябре 1943 года (примерно в то время, когда Эллиотт впервые столкнулся с Базной, который как раз вешал на плечики его смокинг) камердинер-албанец вышел на связь с немецкой разведкой и предложил передать им фотографии документов в обмен на круглую сумму. В течение следующих двух месяцев Базна отправил десять посылок с документами, за что получил значительное вознаграждение, которое аккуратно припрятал, не догадываясь о том, что немцы предусмотрительно рассчитались с ним фальшивыми купюрами. Почти не говоривший по-английски Базна понятия не имел, какие именно секреты выдает, но ему было известно значение слова «секрет»: донесения о дипломатических попытках Великобритании втянуть Турцию в войну против Германии, внедрение в Турцию представителей союзнических сил и помощь США Советскому Союзу. Албанский шпион, получивший от немцев кодовую кличку Цицерон, предоставлял им даже запись решений, принятых Черчиллем, Рузвельтом и Сталиным на Тегеранской конференции, и кодовое название предстоящей высадки союзнических войск в Нормандии – операция «Оверлорд». Эффект от подобных откровений был ослаблен немецким скептицизмом: поскольку высшее военное командование Германии было серьезно введено в заблуждение маневром, отвлекшим их внимание от Сицилийской операции (знаменитая операция «Фарш», когда тело «утопленника» с фальшивыми бумагами подбросили на испанский берег), некоторые его представители подозревали, что Цицерон может оказаться еще

одной британской ловушкой, призванной навести их на ложный след в переломный момент войны. Радиоперехваты, осуществленные Блетчли-парком, а также шпион в министерстве иностранных дел Германии в конце концов уведомили британцев об утечке информации в британском посольстве в Анкаре. Подозрения вскоре пали на Базну, и тот, почуяв неладное, свернул свою шпионскую деятельность. Он пережил войну и впоследствии пробовал судиться с правительством Западной Германии, когда обнаружил, что с ним расплатились бумажками вместо денег. Он давал уроки пения, продавал подержанные автомобили и закончил свои дни, служа привратником в одной из убогих гостиниц Стамбула. Афера Цицерона стала крайне досадным для Великобритании промахом и еще одним доказательством того, насколько глубоко окопались в Турции немецкие шпионы. Впоследствии британская пропаганда пыталась утверждать, что Базна был двойным агентом, но Эллиотт не имел никаких иллюзий на этот счет. «Информация, полученная Цицероном, полностью соответствовала действительности, – писал он, – и правда заключается в том, что дело Цицерона – возможно, самая серьезная утечка дипломатической информации в британской истории».

Британская разведка, усиленная в 1943 году появлением УСС, нанесла ответный удар. Турецкие операции американской разведки возглавил Лэннинг «Пэки» Макфарланд, чикагский банкир-экстраверт, питавший склонность к приключениям и шпионскому гардеробу, куда входили тренчкот и фетровая шляпа с широкими полями. «Такой стиль одежды заставил бы его стать шпионом, даже если бы он им не был», – заметил один из коллег. С помощью британских коллег Макфарланд начал организовывать собственную агентурную сеть, и первым туда вошел чешский бизнесмен по имени Альфред Шварц под кодовым именем Кизил, утверждавший, что у него есть доступ к группам сопротивления нацизму в Германии, Австрии и Венгрии. Эллиотту Макфарланд нравился, несмотря на его «тягу встревать в неудачные эскапады», и он сумел установить с американцами эффективные рабочие отношения. Вместе они успешно внедрили турецкого информатора в одну из подрывных ячеек Леверкюна. «Теперь нам известны имена азербайджанцев, персов и кавказцев, работающих на немецкую разведку, – сообщил офицер УСС Седрик Сигер, – известно, где они собираются по вечерам, где работают и как выглядят».

Особое внимание абвер уделял Ираку. В 1941 году британские войска вторглись в эту страну, опасаясь, что правительство Багдада, поддерживающее гитлеровскую коалицию, может прекратить поставки нефти. Эллиотт обнаружил, что Леверкюн пытается разжечь антибританское восстание среди курдских племен Ирака, при этом стимулируя и финансируя революционное

подполье. Три германских шпиона спрыгнули в Ираке с парашютом и были перехвачены вскоре после приземления. После этого Эллиотт внедрил в революционную ячейку двойного агента под кодовым именем Зулус. Третьего сентября 1943 года Леверкюн подобрал Зулуса в заранее оговоренном месте в Стамбуле и посадил к себе в машину. Пока они ездили по городу, Леверкюн прочел ему пропагандистскую лекцию, в которой утверждалось, что «успех арабского дела напрямую зависит от победы Германии», после чего проинструктировал агента, как распознавать британские военные части в Ираке, и передал ему радиокод вместе с двумя тысячами долларов наличными. Британские власти в Багдаде своевременно прикрыли всю революционную группировку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Коктейль на основе плимутского джина и венесуэльского биттера «Ангостура».

2

Высокой кухни и коллекционного вина (фр.).

3

«Пиммз» – традиционный английский крюшон, изобретенный Джеймсом Пиммом в 1820-х гг.

4

Short-one – порция виски, которая выпивается залпом.

5

Кюммель – немецкий тминный ликер с добавлением аниса и различных трав.

6

Редьярд Киплинг. Ким. Лондон, 1994. Глава 8.

7

По-английски «шеф» – chief, фамилия первого шефа была Cumming, таким образом, всех последующих шефов по-английски именовали C.

8

SD, Sicherheitsdienst – служба безопасности рейхсфюрера СС (СД) (нем.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/makintayr_ben/shpion-sredi-druzey-velikoe-predatel-stvo-kima-filbi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить